

СЕКЦИЯ 6

«ВЫСШЕЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДИНАМИКЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВКУС В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ Верховцева Ю. А.....	1294
ПУБЛИЧНЫЕ ДЕЛА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ Гоптарева И.Б., д-р полит. наук, доцент...	1298
КРИЗИС ЛИЧНОСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Ковалёва В. С.....	1304
ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ БЫТИЕ МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВ И НАУК Коломиец Г.Г., д-р филос. наук, профессор.....	1308
КОНЦЕПЦИЯ УСПЕХА В АМЕРИКАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ Куликов А.В.....	1316
ИДЕОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент	1320
СУИЦИД КАК ФОРМА АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент, Савинова Е.В.	1329
ЧТО ДУМАЮТ РОССИЯНЕ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ? Мамадназарбекова А.Х.	1333
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент	1338
К ВОПРОСУ ОНТОЛОГИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ В ЕГО СВЯЗИ С ИСТИНОЙ Перехода М.А., Таранец К.О.	1347
БИОМЕДИЦИНА КАК ТЕХНОНАУКА И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГУМАНИЗМА: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент, Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент	1351
ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ФОРМ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК РАЗВИТИЕМ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ Суворов Н.А., аспирант.....	1360
ДИСЦИПЛИНА «СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ И БЮРОКРАТИИ» В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА (ФГОС ВО) Хамидуллин Н.Р., канд. полит. наук, доцент	1367
ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДА Щегрова А.А.	1371
АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА-Я У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ Щербинина О.А, канд. психол. наук, доцент, Стрымова С.А	1375

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВКУС В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Верховцева Ю. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В современных реалиях нашего общества возникает потребность в усиленном продвижении эстетических ценностей. Одной из главных таких ценностей в эстетике является эстетический вкус как основа развитию и самообразованию личности. Термин вкус возник в XVII веке, впервые его употребил Бальтасар Грасиан в трактате «Карманный оракул». Вкус трактовался как способность человеческого познания, по законам прекрасного и ориентированно на произведения искусства. Позже понятие вкуса расширилось другими мыслителями превратилось в теорию эстетического вкуса, который мы знаем сегодня. Вкус предстает здесь именно как способность реагирования на субъект-объектное эстетическое отношение, т. е. включает в пространство своей компетентности, если так можно выразится, и характеристики эстетического объекта, и уровень эстетической подготовки субъекта [1, с. 206].

Если принять во внимание проблему массовых коммуникаций, где развитие человека является его целью и формирование общественного сознание. Возникает совокупность одновременно результата и средства развития в обществе, целостная его структура. Важную роль для человека выполняют современное пространство массовых коммуникаций, а именно единство информационного обеспечения для реализации активности личности. Мир информации, передаваемой на сегодня настолько разнообразен, насыщен интереснейшими и острейшими материалами. Выбрать важное и насущное представляется сложным для человека. Для выбора в сложной структуре массовых коммуникаций необходимо провести теоретические и практические исследования, где ключевые моменты может пояснить философия, а также эстетический подход.

В теоретическом осмыслении познания общества реализуется между общественным бытием и общественным сознанием, где между ними происходит диалектическое взаимодействие. В познавательное отражение всегда ведет к воспроизводству в определенной форме, с определенной мерой полноты и точности, объекта отражения. В практическом рассмотрении вопроса мы сталкиваемся с выборочной формой отражения действительности, где информационное пространство отражает частные сферы общественного бытия. И в таком восприятии специфика изучения общественных коммуникативных отношений обуславливается прежде всего глубоко ценностными ориентирами, как отражение общественного сознания.

Аксиологический подход применяемый к проблеме массовых коммуникаций актуален в наше время, так как происходит оценка качественной информации происходящего в мире. И эстетический вкус выход на глубинное понимание личности в информационном пространстве. В своей действительности бытийное общественное отражение, как особая ступень воспроизведения внутри каждого индивида непременно ориентированы на ценностные установки. Так эстетический вкус направляет личность на правильные принципы «хорошего вкуса» сложившиеся в истории человечества. Отражение в информационном пространстве отнюдь не является элементарным, «фотографическим». Оно представляет собой творческий акт, где автор выражает индивидуальное понимание отражаемого мира, более того преобразует действительность [5, с. 198]. Поэтому ощущения от исходящей информации непосредственно выражаются в воспроизведении художественных образах, как многогранность чувственно воспринимаемого мира. А задача эстетического вкуса анализировать наши чувства, ощущения от воспринимаемых объектов, в том числе и какие ощущения вызывает информационный поток на сегодняшний день. Здесь, на наш взгляд, проявляется конфликт ценностей. Так как проявляется в ограниченной степени для каждого и имеет свои пристрастия в отношении эстетического вкуса, с другой точки зрения проявляет духовное сплочение общественных идеологий в коммуникативных отношения. Тем самым предполагается «ценностный раскол» [3, с. 3].

Новое понимание таких правил по отношению к ценностям непосредственно влияют на эстетический вкус. Ведь решение личностных проблем отражающие и реализующие общественные задачи для человека – это переход от собственных установок и выработке вкуса к принципиально общественным установкам. Человек вынужден прибегать к массовому мышлению, что не всегда приводит к качественному скачку в отношении эстетического вкуса с реальным положением дел информационного общества. Чувственно-воспринимаемые вещи для современной личности основанные на массовых коммуникациях – это процесс уже внутриличностный. Человек, как субъект перерастает из «эффект присутствия» в «эффект участия» в ценностном смысле. Мы не просто владеем информацией, жадно поглощая информационный поток прежде всего сети интернет, телевидения, газет, журналов. В мультимедийной среде человек теряет личностное самоопределение и личную самореализацию, тем самым остаются раскрыты его психические механизмы, которые открыты для манипулятивного воздействия массовых коммуникаций. И что принципиально важно – это индивидуальная интерактивность [4, с. 20].

С другой стороны, приверженность идеалам общественной, политической, культурной и идеологической жизни общество имеет свою структуру и четко разделяет ценностные границы. Так, например, эстетический вкус может быть выражен в четком декларировании высоких ценностей

определенного макросообщества, чем и будут продиктованы средства массовой информации. Внутри таких целецентрированных систем всегда существует опорная ценность для данного общества. Её устройство отличается устойчивыми и взаимосвязанными признаками. Эстетические принципы действующие в таком обществе могут рассматриваться в качестве иерархизации окружающей инфосреды, а так же стабильным фактором общества. Иначе говоря, «хороший эстетический вкус» будет соответствовать авторитетным источникам различающийся лишь в требованиях информации. Подобное видно на примере рекламы, а именно происходит иррациональное подчинение интересам каких-либо общественных сил. Поток информации вызывающий увеличение популярности данной рекламы всегда положителен в своем роде и для этого используют методы, которые привлекают зрителей и слушателя. Такие как: известные персонажи, набор известных фактов, ассоциативные образы.

Приведенные относительно общие положения в оценки эстетического вкуса проецируют аксиологический подход к современной проблеме массовых коммуникаций. Следует руководствоваться, тем что подлинная проблема заключается именно в сочетании двух элементов, ибо их взаимоизоляция ведет лишь к абстрактно-теоретическому мышлению.

Между тем для личности необходима совокупность трех познавательных способностей для полноценного существования: рациональное, иррациональное и эмоциональное. Такое сочетание дает личности всестороннее обозрение и реализацию. Рациональное познание систематизирует и фиксирует ложные и правдивые изменения информации. Иррациональное допускает момент творчества и интуитивные озарения у индивида. Эмоциональный пласт познания всегда субъективен, но тем самым и ограничен. Имеющий своим недостатком предсказуемость эмоций и их уязвимость, что поддается манипулированию со стороны массовых коммуникаций.

При этом существенное значение приобретает эстетический вкус, он дает возможность интерпретации и оценки на сегодня, в эстетических категориях любого медиатекста и «открывая» его, тем самым увеличивает для человека возможности сознательно вступать в диалог со «своим» текстом, таким, который сможет обеспечить ему личностное развитие [2, с. 203]. Эстетический вкус как бы преломляется в глубине личности каждого индивида в сложной структуре массово-коммуникационного взаимодействия.

Таким образом эстетический вкус в аспекте пространства массовых коммуникаций предполагает качественное исполнении своей роли, как искусное представление личностного развития субъекта, раскрывающий глубину содержания взаимодействия с обществом.

Список литературы

1. Бычков В. В. Маньковская Н. Б. Вкус как главная предпосылка эстетического опыта / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вестник славянских культур, М., Т. 40, № 2, 2016. С. 203 – 218.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр.; примеч. Е. А. Самарской, М., 2006. С. 210.
3. Данилов А. В. Влияние ценностных расколов на электоральное поведение: автореф. дис. ... канд. политич. н. СПб., 2006. С. 36.
4. Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: «ЛЭТИ», 2010. С. 308.
5. Майкова В. П. Философия, сми и будущее культуры человека: проблема взаимных отношений / В. П. Майкова // Лесной вестник, М., Т. 3, 2011. С. 195 – 198.

ПУБЛИЧНЫЕ ДЕЛА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ

Гоптарева И.Б., д-р полит. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

В научной литературе существует много попыток различения категорий «публичные дела / вопросы» (public affairs — PA) и «связи с общественностью» (public relations — PR). Чаще всего, практика и наука сходятся во мнении, что предметом PR является развитие отношений с широкой общественностью, в которых заинтересованы как частные, так и государственные кампании, организации, фирмы и т.п. В свою очередь, предмет PA представлен частью коммуникационной сферы, влияющей на публичную политику. Но есть и другое мнение, согласно которому обе категории, относящиеся к одному объекту — публичному пространству, имеют разные предметы выражения: если PR нацелен на выстраивание конструктивных отношений со всей общественностью, то PA фокусируется на ее особых частях — правительстве, администрации, органах власти, а также — на группах интересов. [2, 36-37]. В связи с этим, следует различать категории PR и PA: связи с общественностью — это профессиональное поддержание благоприятного публичного имиджа частным лицом, компанией или другой организацией, поэтому они представляют собой ту сторону общественных отношений, которая включает в себя комплекс коммуникационных тактик — развитие различных форм обмена информацией, сообщений, связей со СМИ, цифрового взаимодействия, создание разного рода коалиций для повышения осведомленности и / или поддержки репутации результатов деятельности, услуг, мероприятий и т.п. В отличие от традиционной рекламы и маркетинга, осуществляемых на платной основе, большинство PR-кампаний стремятся обеспечить органичное посредничество, вызывающее доверие, между клиентурой и заинтересованными общественными группами [1, 148].

Публичные дела (PA) означают стратегическое управление процессами принятия решений на стыке политики, экономики и общества [1, 264]. Это, прежде всего, вопросы общих интересов или потребностей, касающиеся текущих социальных или политических проблем. PA практикуется различными организациями, компаниями, ассоциациями, а также — как услуга от PR-компаний и, соответственно, использует как свои методы и технологии, так и — PR. Поэтому PA используют во многом схожие с PR коммуникационные тактики: связи, отношения со средствами массовой информации, цифровые технологии и т.п. для создания общественной поддержки или противодействия в вопросах государственной политики. Стратегически используя методы связей с общественностью, PA могут влиять на целевую аудиторию и заручаться

поддержкой со стороны структур публичной политики и / или бизнес-клиентуры, для чего они вполне могут заимствовать у PR-кампаний апробированные технологии (силу слов, изображений и т.п.) для улучшения или исправления репутации клиентских организаций, для управления сложными ситуациями и улучшения понимания неоднозначных вопросов [1, 264]. Одновременно РА может оказывать содействие PR в работе как в целом с обществом, так и с отдельными группами, организациями, движениями и т.п., поскольку РА тесно сотрудничают с государственными и представительными публичными структурами, используют широкий спектр навыков для участия в стратегических кампаниях по связям с общественностью. Помимо работы в самих компаниях, РА занимаются предоставлением профессиональных услуг через агентства и консалтинговые фирмы, которые советуют клиентским организациям, как именно следует строить свои отношения с политической сферой. В этом смысле, частично функции и PR, и РА совпадают с политическим консалтингом [3].

Тем не менее, методы работы связей с общественностью и публичных дел разные.

К основным инструментам деятельности PR можно отнести следующие.

1. *Антикризисное управление*, нацеленное на выявление угроз для организаций клиентуры, включающее, в том числе, методы самих организаций для борьбы с этими угрозами. Например, в связи с непредсказуемостью глобальных событий, организации должны быть готовы справиться с комплексом проблем для радикальных изменений безопасности бизнеса. Антикризисное управление часто требует принятия решений в течение короткого периода времени, и нередко после того, как событие уже произошло. Для уменьшения неопределенности в случае возникновения кризиса организации необходимо разрабатывать планы антикризисного управления. Ключ к успешному преодолению кризиса — налаживание отношений с общественностью по управлению кризисом. Работая с опытной PR-фирмой до наступления необратимых кризисных событий, вполне можно улучшить способность минимизировать влияние негативных явлений на бизнес [5, 270].

2. *Внутренние коммуникации* — процесс передачи информации между членами организации или ее структурными подразделениями, происходящий, как правило, на всех уровнях PR-компании, необходимый для совершенствования профессионального мастерства в деле поддержания положительного имиджа организации в глазах общественности. Это функция, отвечает за эффективную коммуникацию между участниками внутри организации; её объем варьируется в зависимости от направления деятельности организации и практикующего специалиста: от подготовки и распространения сообщений кампании от имени руководства до содействия двустороннему диалогу и развитию коммуникативных навыков участников организации. Современное понимание внутренних коммуникаций является

самостоятельной областью и опирается на теорию и практику смежных наук, не в последнюю очередь — журналистики, маркетинга, социальную психологию, социологию, политологию и др.

3. *Маркетинговые коммуникации* — комплексный и стратегический маркетинговый подход позволяет координировать PR- программу, учитывать ценные предложение с потребностями и интересами целевого рынка. Без правильного маркетинга никакие «лучшие информационные стратегии в мире» не смогут заставить целевой рынок приобретать продукт, который им не нужен, поддерживать программу, которая не служит их интересам, или участвовать в волонтерской работе, которая заставляет пропустить, например, спортивные состязания своего ребенка [6]. Зачастую связи с общественностью предшествуют маркетингу, что помогает создать условия для его успешной реализации, например, маркетинговые усилия по привлечению волонтеров не будут эффективными, если никто не слышал о данной маркетинговой организации. Как и маркетинг, связи с общественностью опираются на исследования для понимания общественных нужд, запросов, интересов и используют обдуманые стратегии и тактики для реализации общественных требований. Таким образом, коммуникации лежат в основе как маркетинга, так и связей с общественностью [3,13-14].

Механизмы или инструменты публичных дел (РА) в отличие от PR выглядят несколько иначе.

1. *Коалиционное управление* — мобилизация общественной поддержки на низовом уровне для решения или регулирования комплексных политических коммуникационных вопросов (выборы, референдумы, дебаты, обсуждение и инициирование резонансных законопроектов, протестные движения и движения в защиту и т.д.) на местном, государственном или федеральном уровне при помощи консалтинговых и исполнительных услуг РА-кампаний. Как известно, агитация и пропаганда требуют напряженной работы и долгосрочных обязательств [4, 192]. Создание коалиций позволяют их членам более эффективно взаимодействовать: меньше тратятся энергия и время для поддержания наиболее выгодных проектов или разрешения конкретных проблем, так как совместная работа предполагает выстраивание доверительных отношений не только друг с другом, но и с другими людьми.

Главное в коалиционном управлении — лидерство, которое может выглядеть по-разному: ротационный координационный комитет, временно создаваемая руководящая группа для решения конкретных вопросов и т.п. Роль руководства коалиции состоит в том, чтобы обеспечить реализацию поставленных задач, оказать содействие совместному планированию и принятию решений, равномерно распределять обязанности между всеми членами, чтобы уменьшить нагрузку, оптимизировать обмен информацией, воспитывать доверие, открытость и честность среди членов коалиции, мотивировать и расширять возможности членов, выступать в качестве образца для подражания, разграничить лидерские функции внутри группы для

использования всех ресурсов участников коалиции, поощрять их брать на себя ответственность за выполнение тех или иных функций, способствовать конструктивной критике и учитывать необходимость обратной связи. От руководства также зависит эффективное и действенное проведение собраний. Встречи членов коалиции со слабым руководством могут быть длительными и непродуктивными, особенно если коалиция содержит широкую базу различных организаций и отдельных лиц. Поэтому для ведения эффективных собраний необходимо не только волевое руководство, но и действующее в рамках общепринятых демократических принципов и процедур.

2. *Поддержка (защита) интересов* — это популяризация проблемы, используемая для привлечения внимания к определенной публичной теме. Публичные структуры поддержки интересов могут только спонсировать эту процедуру. В целом, это комплексная стратегия и тактика коммуникационных кампаний, которые защищают, противостоят или нейтрализуют публичный политический вопрос с целью воздействия на бизнес, ассоциацию или публичное лицо. Хотя отстаивание необходимости решения публичной проблемы можно считать дополнением ко всем успешным лоббистским усилиям, тем не менее, это не та работа, которую лучше всего выполняют лоббисты, потому, что в отличие от классического лоббирования, поддержка решения проблемы, скорее, выполняет функцию привлечения общественного внимания к конкретным политическим вопросам в публичной сфере [6]. Если обратиться к недавней прошлой практике лоббирования, то окажется, что несколько десятилетий назад лоббист не нуждался в пропаганде проблем, он «проталкивал» интересы клиента в кулуарах, без лишних свидетелей. Но в сегодняшнем мире 24-часовых новостных циклов, социальных и цифровых медиа, заключение бэкдор-сделок и т.п. лучше всего оставить в прошлом, так как подобные сделки во многих странах относятся к уголовно наказуемым.

Поддержка интересов, также не является маркетингом или корпоративной рекламой: аудитории, послы и подходы здесь разные. Вместо продажи материального продукта, как это делается в маркетинге, пропаганда проблем заключается в том, чтобы убедить людей принять участие в ее решении (высказывание мнений, идей, обмен информацией, дискуссии и т.п.). Одним из действенных методов привлечения внимания к проблеме являются публичные дебаты, на которых всесторонне обсуждается и предельно ясно раскрывается суть проблемы.

3. *Электронная политическая пропаганда* — метод повышения гражданской активности и мобилизация избирателей с помощью цифровых технологий. Поскольку публичные дела — это многогранное пространство, в котором специалисты по коммуникациям, по пропаганде на низовом уровне, лоббисты, специалисты-эксперты по вопросам политики, политического участия и разного рода социально-политических ассоциаций координируют свою деятельность для достижения успеха в области популяризации социально-политических проблем, постольку использование цифровых технологий в

защите публичных дел для поддержки общественности на низовом уровне с целью влияния на публичную политику, представляется наиболее действенным инструментом. Особенно это касается основных тенденций использования онлайн-инструментов в РА: а) визуальный ряд (использование анимированных видеороликов, инфографики или простых изображений, которые легко передают сложные данные — всё это может значительно повысить шансы широкого распространения сообщений, достижения резонанса от целевой аудиторией); б) социальные СМИ для связи с управляющими (использование социальных сетей для привлечения внимания со стороны властных структур); в) защита передачи данных, помогающих дать более точную характеристику аудитории, детерминировать обмен сообщениями в кампании, усилить эффективность пропагандистской работы и, в конечном итоге, повышать вероятность успеха решения публичных проблем активной частью общества [5].

4. *Массовая активизация* — это метод агитации за публичные дела, который активист или активисты используют с воодушевлением. Как правило, активисты находятся в совершенно противоположном конце политического спектра от тех, кто у власти. Но эти кампании часто бывают удивительно эффективными, когда дело доходит до внесения изменений в политическую повестку дня. В литературе, посвященной публичным делам, массовую активизацию низовым маркетингом, поскольку он, как правило, начинается с нуля: вместо того, чтобы поместить, например, в социальных сетях сообщение, адресованное огромной аудитории или различным общественным группам, РА-специалисты могут направить свои усилия на небольшую группу активистов в надежде, что эта группа распространит быстро и грамотно нужные сообщения на гораздо большую аудиторию [6, 358]. Низовой маркетинг стоит меньше, чем традиционные маркетинговые усилия, но может дать большие результаты. Он позволяет гражданам и организациям усиливать свой голос и влиять на решения вопросов, которые их волнуют. Низовые активисты определяются как лица, готовые связаться со своими избранными должностными лицами по всем средствам связи (интернет, телефон, почта, факс и т.д.). Благодаря образованию и обучению, сторонники низового уровня могут со временем превратиться в активистов высшего уровня или в лидеров.

Список литературы

1. Althaus, Marco; Geffken, Michael; Rawe, Sven: Handbuch Public Affairs, Lit, Münster 2005 ISBN 3-8258-8144-x. – 292 p. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=PGXuBhrQgisC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
2. Canel M. J., Luoma-aho V. Public Sector Communication: Closing Gaps Between Citizens and Public Organizations. - John Wiley & Sons, 2018. - 280 p. Режим доступа:

<https://books.google.ru/books?id=x8dWDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

3. Köppl, Peter : Public-Affairs-Management: Strategien & Taktiken erfolgreicher Unternehmenskommunikation, Wien Linde, 2000. ISBN 3-7073-0072-2. - 254p.

4. Öffentliche Kommunikation: Handbuch Kommunikations-und Medienwissenschaft / Günter Bentele, Hans-Bernd Brosius, Otfried Jarren. Springer-Verlag, 2013. - 607 p.

5. Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft: Ein Handbuch mit Lexikonteil / Otfried Jarren, Ulrich Sarcinelli, Ulrich Saxer Springer-Verlag, 2013. - 764 p.

6. Steltemeier, R., Catón M.: Public Affairs. In: Dieter Nohlen, Florian Grotz (Hrsg.): Kleines Lexikon der Politik. 4. Auflage. Beck, München 2007. - P. 356-357.

КРИЗИС ЛИЧНОСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Ковалёва В. С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

На современном этапе развития общества и культуры человек приобрёл множество возможностей для самореализации, самосовершенствования и, как следствие, самоидентификации. Постиндустриальное общество характеризуется, прежде всего, наличием всевозможных материальных и духовных средств для личностной реализации. Несмотря на это, личность, как правило, не является гармонично развивающейся, а наоборот – находится в состоянии кризиса. Почему же так происходит? В нашей статье мы проанализируем некоторые черты постиндустриального общества и их негативное влияние на личностную самоидентификацию.

Прежде всего, нужно выработать рабочее определение «личности» и «самоидентификации». Определений личности существует огромное множество, каждое из них охватывает различные аспекты. За основное определение мы возьмём философское, так как оно, на наш взгляд, охватывает все аспекты личности. Итак, «личность – человеческий индивид как продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества» [1]. То есть, личность, в первую очередь, является носителем социальных качеств. Таким образом, мы можем сказать о том, что для становления, развития и дальнейшего совершенствования личности архиважно то общество, в котором эта самая личность существует. Именно в обществе происходит самоидентификация личности. Что же такое самоидентификация? Понятие самоидентификации непосредственно связано с таким понятием, как идентичность. «Идентичность – это категория социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии и др.), применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей» [2]. По сути, идентичность – это принадлежность к чему-либо: нации, профессии, партии и т.д. Отсюда вытекает и понятие самоидентификации. Самоидентификация – это соотнесение самого себя с чем или кем-либо. Простыми словами, личность пытается соотнести себя с каким-либо этносом (русский, немец, чех), какой-либо религией (христианин, мусульманин, буддист), каким-либо политическим направлением (коммунист, либерал, социал-демократ) или какой-либо профессиональной деятельностью (врач, учитель, инженер). Итак, личность является продуктом общественного развития, самоидентификация личности происходит непосредственно в

обществе и под его влиянием. Что же происходит в современном нам постиндустриальном обществе?

Одной из главных черт постиндустриального общества является его информационная определяющая. По сути, информационное и постиндустриальное – это тождественные понятия. Роль информации в современном мире трудно переоценить. Человек не представляет своей жизни без информации – СМИ, интернет, телевидение, смартфоны, компьютеры и т.д. – без всего этого уже невозможно представить привычный ход человеческого существования. Нам стоит выделить явление, вошедшее в жизнь человека не так давно, но уже ставшее решающим фактором в вопросе самоидентификации – социальные сети.

Социальная сеть – онлайн-платформа, которую люди используют для общения, создания социальных отношений с другими людьми, которые имеют схожие интересы или офлайн-связи. Феномен социальных сетей можно рассматривать в отдельной диссертационной работе, нас же интересует его влияние на самоидентификацию личности. Социальные сети позволяют налаживать социальные связи и контакты, не выходя из дома. Виртуальное общение всё чаще заменяет реальное. Человеку больше нет никакой необходимости реализовывать себя в реальном мире, когда есть виртуальный мир. Вот здесь и появляется главная негативная особенность такого положения дел – кризис личностной самоидентификации. Социальные сети создают психологическую ловушку – человек думает, что всё, что он делает виртуально происходит на самом деле. Но, когда происходит столкновение с реальностью, все иллюзии о том, кем ты являешься на самом деле, рушатся, и личность впадает в состояние глубочайшего кризиса. Таким образом, мы вывели первую черту постиндустриального общества, определяющую кризис личностной самоидентификации – виртуальная реальность, не совпадающая с реальной жизнью человека.

Также, характерной чертой постиндустриального общества следует назвать – потребление. «Потребление – использование, употребление, применение продукции, вещей, благ, товаров, услуг в целях удовлетворения потребностей. Различают производственное потребление – расходование, использование ресурсов в процессе производства и непроизводственное, конечное потребление благ людьми, населением для удовлетворения жизненных потребностей. Потребление представляет конечную стадию воспроизводственного цикла» [3]. По сути, мы живём в обществе потребления. Человек находится в постоянном поиске удовлетворения своих потребностей – материальных и духовных. Но, в современном мире, материальное потребление выходит на первый план.

Материальное потребление (покупка материальных благ, получение услуг, развлечений) приводит к тому, что личность забывает своё истинное предназначение, своё «Я». Об этом очень подробно писал философ-неофрейдист Эрих Фромм. «Потреблению присущи противоречивые свойства:

с одной стороны, оно способствует уменьшению ощущения беспокойства и тревоги, поскольку то, чем человек владеет, не может быть у него отобрано; но с другой – оно вынуждает человека потреблять все больше и больше, так как всякое потребление со временем перестает приносить удовольствие. Нынешние потребители вполне могут определять себя по такой формуле: «я есть то, чем я обладаю и что я потребляю» [4]. Таким образом, происходит подмена понятий – того, кем я являюсь и того, что я имею, бытие заменяется на обладание. То есть личность идентифицирует себя не с тем, что она делает, а с тем, чем она обладает. Но суть в том, что материальных благ можно лишиться в одночасье. С личностью остаётся лишь то, кем она является, а не то, чем она обладает. И опять же, это приводит к глубочайшему кризису. Существует множество примеров того, когда человек терял все свои материальные блага и заканчивал свою жизнь суицидом. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что такая черта постиндустриального общества, как материальное потребление, несёт негативное влияние на личностную самоидентификацию.

Ещё одной характерной чертой постиндустриального общества является изменяющаяся, а точнее возрастающая, роль женщин. С одной стороны, это является вполне логичным следствием прогресса. С другой же стороны, это снова приводит к кризису личностной самоидентификации.

В традиционном обществе происходит чёткое разделение по гендерному признаку – у мужчин свои обязанности, у женщин – свои, мужчины имеют одни права, женщины – другие, мужчины могут заниматься определённым родом деятельности, женщины – другим. В таком обществе нет особого выбора. Но, мы живём в постиндустриальном обществе, где нет никакого чёткого разделения. Теперь каждый из представителей рода человеческого может заниматься чем угодно, и более того – быть кем угодно (даже в плане выбора пола). Это приводит к ситуации, когда личность находится в постоянном состоянии выбора того, с чем или с кем себя идентифицировать. И это опять же приводит к кризису.

Безусловно, постиндустриальное общество несёт в себе, как положительные, так и отрицательные особенности, влияющие на личность, на её самореализацию и самоидентификацию. И, как и всё в мире является диалектичным – так и каждая из описанных нами черт является диалектичной. При правильном понимании, при гармоничном и разумном использовании инструментов современного общества можно прийти от кризиса личностной самоидентификации к его решению. Но, к сожалению, человеческое существо является настолько сложным и противоречивым, что это накладывает огромный отпечаток на всё человеческое существование, являющееся на современном этапе развития общества – кризисным.

Список литературы

1. Философская энциклопедия в 5-х т. // под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960—1970. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1090530>
2. Новая философская энциклопедия в 4-х т. // под ред. В. С. Стёпия. М.: Мысль, 2001. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/174350_Identicnost
3. Райзберг, Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/11426
4. Фромм, Э. «Иметь или быть?». Киев: Ника-Центр, 1998. – 400 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe2.txt_with-big-pictures.html

ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ БЫТИЕ МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВ И НАУК

**Коломиец Г.Г., д-р филос. наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Еще на заре становления античной философии понятие «музыка» имела особое значение, и музыка как вид искусства выделялась среди других искусств, поскольку принадлежала в большей степени сфере научного знания как музыкальная теория, которая связывалась с математикой. Математическое (умственное) отношение к музыке среди философов преобладало над чувственным началом, не отдавая предпочтение непосредственному её восприятию: «Почтеннейший Пифагор утверждал, - пишет Плутарх, - что достоинства музыки должны быть восприняты умом, и потому судим о музыке не по слуху, а на основании математической гармонии, и находим достаточным ограничить изучение музыки пределами одной октавы» [1] Музыка была эстетическим эквивалентом философии, математики и астрономии, частью космологии. Музыка считалась более наукой, чем искусством, так как понятие «искусство» в те времена не отождествлялось с понятием творчества, искусство означало искусное ремесло, т.е. умение делать по правилам. Космологическая сущность Музыки определялась поиском древнегреческих космологов единого принципа бытия. Таким всеобъемлющим законом был признан закон Гармонии как сочетания противоположностей, не разрушающий единое целое, что считалось сущностным свойством Музыки, исходящей из Логоса, или мира идей, вечных метафизических сущностей красоты-добра-истины. Известны слова Платона: что человек мудрый и ему кажется «поистине музыкальным, потому что он извлёк прекраснейшую гармонию не из лиры или ещё какого-нибудь музыкального инструмента, а из самой жизни, согласовав в себе самом слова с делами, точь-в-точь на дорический лад, а не на ионический...» [2].

Сама человеческая жизнь с её изменениями, равновесием, балансированием между счастьем и несчастьем, радостью и горем, величием и ничтожеством, создаёт некую гармонию, маятник, круговращение. Это великий Ритм. Поэтому ритм пения и плясок, игра на лире, авлосе, флейте отождествлялись с музыкой небесных сфер.

Само слово «музыка» произошло от слова «Музы», так называли в греческой мифологии дочерей бога Зевса и богини Мнемосимы, покровительницы наук, поэзии и искусств. Это Терпсихора – муза танцев, Эрато – муза любовной поэзии, свадебных песен, Евтерпа – муза лирической поэзии и музыки, Каллиопа – муза эпоса, эпической поэзии, Мельпомена – муза трагедии, хора, похоронной музыки, Талия – муза комедии, Клио – муза истории, Полигимния – муза гимнов, Урания – муза астрономии. Античные

боги изображались с музыкальными инструментами. Аполлон – бог красоты, покровитель искусств, целитель, прорицатель. Дионис – бог виноделия и празднества.

В философских трактатах говорится о Музах и первых музыкантах-мудрецах: Орфей, Мусей, Лин. А легендарные поэты Гесиод и Гомер закрепили связь музыки и философии, в поэзии и музыке размышления о мире, жизни, судьбе, душе. В 1 веке н.э. римский оратор Квинтилиан писал: «Музыка уже в те древние времена содержала столько науки и религиозного почитания, что одни и те же лица были музыкантами, пророками-стихотворцами и мудрецами»[3].

Пифагор известен как философ, математик, но его при жизни еще называли и «Пифагор-музыкант», потому что он много внимания уделял музыке. Он, как и философы Востока, понимал, что через музыку человек связан с космосом и телом, и душой, и духом. Поэтому для Пифагора музыка имела не только математико-космологическое значение, но и психологическое, врачевательное. В его философской школе день начинался специальной по духу музыкой, настраивающей на дела, а заканчивался успокоительной музыкой. Рассказывали случаи, когда Пифагор сумел вправить душу в правильное русло, настроить эмоции на нужный лад с помощью музыки. Но главная заслуга Пифагора в том, что он теоретически обосновывал связь музыкальных звуков, гармонически приятных для слуха с числовыми пропорциями, законами математики. Гармония и музыка – вот его главные понятия. Сам божественно устроенный космос имел музыкальный смысл. По словам Шеллинга, учение Пифагора, понимается нередко неверно в том, что движение небесных тел вызывает звучание. Наоборот, само бытие Числа как высший принцип гармонии вызывает движение и звучание планет. Пифагореец Архит, занимаясь музыкальной теорией и акустикой, высказал идею о связи высоты тона с быстротой движения и частотой колебания. Архит, отмечая зависимость высоты тона от длины струны, определённая высота тона зависит от длины струны и создается не механическим делением струны, а гармонической пропорцией, то есть октава делится на неравные интервалы, образуя консонансы – слияние звуков в согласное гармоничное звучание: 1:1 – унисон, 1:2 – октава, 2:3 – квинта, 3:4 – кварта. Таким образом, сущность консонанса является числовая пропорция. Чем проще числовое отношение, тем совершеннее консонанс, гармония. Древнегреческая наука, открывшая законы чисел усмотрела в соотношении 1:2:3:4 глас Божий.

Платон выделял четыре науки: 1) арифметика, 2) геометрия, 3) астрономия, 4) музыка, точнее учение о музыкальной гармонии. Музыка у Платона имеет связь с космологией следующим образом: «всякая геометрическая фигура, любое сочетание чисел или гармоническое единство имеют сходство с кругообращением звёзд; следовательно, единичное для того, кто надлежащим образом его усвоил, разъясняет и всё остальное» [4].

Платон приходил к науке о числах, о вообще зарождении понятий «чет» и «нечет». Он отмечал удивительно божественное, присущее всей природе удвоение числовых значений и наоборот – раздвоение. Первый вид удвоения $1 - 2 - 4 - 8$ (в сравнении с пифагорейцами: точка, линия, квадрат, куб). Второй вид образуется сложнее и включает $6 + 3, 9, 12$, и т.д. Значения этих чисел, как отмечает Платон, научило людей согласованности и соразмерности ради ритмических игр и гармонии и даровало это блаженному хороводу Муз. Следует сказать, что эти ряды чисел лежат в основе музыкальных форм, пульсирующих метроритмических и звуко-высотных структур.

Платон предъявлял к музыке воспитательные требования, критически относился к тем его видам, которые вызывают неразумное удовольствие, не регулируется благом и пробуждают в человеке низменные импульсы. Платон отмечал, что полезна та музыка, которая имеет родство с душой. Критерий хорошей музыки, определяется, с одной стороны, моральностью с точки зрения человеческого характера, поведения, с другой - правильностью подражания красоте. Приведем слова Платона: «Люди, ищущие самую прекрасную песнь, должны разыскивать, не ту Музу, что приятна, но ту, которая правильна». [5.]. Самые прекрасные Музы, по мнению Платона, это Музы хороводов и общественных театров, при этом выделив гармоничную триаду: Аполлон – Музы – Дионис. Гедонистическая ценность музыки не отвергалась им, Наслаждение от музыки в том и заключается, что оно не утилитарное, оно ценно само по себе. В песенно-хороводных формах Платон выделял значение связи слова и музыки, где музыка должна следовать за словом. И то и другое должно вместе нести определённый смысл, соответствующий человеческому характеру. Ритм и лад должны следовать за речью, а сама речь должна соответствовать душевному складу человека, тогда возникает гармония в искусстве, подражая мировой Гармонии.

В философии Аристотеля, природу самой музыки составляет *движение*, которая относится к области физики и физической науке. Сущность музыки есть движение, создающее ритм [6]. В вопросе существования музыки как вида искусства Аристотеля интересовала её этическая ценность. Главный вопрос, который ставил философ относительно музыки: каково назначение музыки, ради чего ею стоит заниматься? Другими словами, в чём ценность музыки в своей значимости для человека? Функция музыки как вида искусства, по Аристотелю, «умное» удовольствие, божественное наслаждение. В школе Аристотеля все мальчики занимались музыкой для полезности ума и души. Философ утверждал, что музыкой следует пользоваться ради образования, воспитания, очищения духа, отдыха. При этом недостойно отзывался о музыкантах-профессионалах, которые занимаются музыкой не ради усовершенствования в своей душе добродетелей, а для зарабатывания денег, подлаживаясь под вкусы зрителей. И Платон, и Аристотель выступали за установление регламента в вопросах музыкального искусства с точки зрения воздействия и воспитания, поскольку музыкальный ритм, гармония, мелодия

внедряются в душу, сильно трогая её, могут делать душу благопристойной или неблагопристойной.

Аристоксен ученик Аристотеля читал лекции по музыке в философской школе Аристотеля в IV веке до н.э. Он выделил главную мысль, что музыкальному мышлению свойственно одновременно «неизменное и изменяющееся». Слуховой контроль реально звучащей и интонируемой музыки указывает на способность слышать мировую Гармонию, ее неизменный принцип. Знание музыки – это знание того, что следует приучить разум и слух безошибочно различать «неизменное» существо самой музыки, т.е. закон космической Гармонии, консонанса, благозвучия, основанного на числовых пропорциях в звуковых и ритмических сочетаниях, и различать «изменяющееся», т.е. поток звуков всегда меняющихся в движении, воплощающих неустанное становление, процесс в аристотелевской концепции энтелехии.

Пифагорейскую идею, поддержанную Платоном и Аристотелем, много позже, в XVII веке доказал немецкий астроном и философ Иоганн Кеплер. Он открыл формулу движения планет вокруг Солнца и связал это с музыкой. Это движение имеет точную математическую связь между расстоянием от солнца и временем движения, скорости. В трактате «Гармония мира», говорится о том, что квадраты времен обращения планет вокруг Солнца относятся как кубы их средних расстояний от Солнца, складывается картина гармонического устройства вселенной. Планеты движутся, звучат. Он доказал связь гармонии мира с музыкальной теорией, закономерность выбора музыкальных звуков, которые приятны или неприятны для нашего слуха, связь музыки с наукой.

Труд «Гармония мира» состоит из пяти книг. В третьей книге описаны гармонические пропорции, свойственные музыке в собственном смысле слова; здесь рассмотрены вопросы происхождения консонансов, деления струны, интервалы и т.д. Четвертая и пятая книги обосновывают космологическую концепцию музыки как гармонии вселенной. Суть концепции состоит в том, что Гармония есть универсальный закон, она определяет целостность вселенной. Закону Гармонии вселенной подчинены и звёзды, и движение планет, и человеческое познание, и музыка как искусство.

Музыка в понимании Кеплера – это не только музыкальные звуки, голоса и инструменты, музыка – это прежде всего Мировая гармония. Музыка есть Гармония вселенной, гармония мира, и есть музыкальное искусство, музыкальное конкретное звуковое выражение (собственно музыка). Однако и там и здесь действует мировой закон гармонии – соотношения, пропорции, числа. Как пишет Кеплер, гармонию звуков воспринимают и дети, и «неотёсанные крестьяне», и варвары, и звери, хотя никто из них не знаком с наукой о гармонии. В музыкальном восприятии, по Кеплеру, принимают участие высший и низшие способности: интеллектуальные и чувственные, деятельные (энергетические и пассивные). Благодаря душевной способности, соединенной с волей мы наслаждаемся гармонией и реагируем телом,

физически от её воздействия, мы способны выражать в пении, игре «вложенные в нас природой идеи интервалов». Руководствуясь душой и волей, мы избегаем всякого неблагозвучия в музыке. И это дано нам чувственно. Музыка уже есть в движении музыкально звучащих планет. Здесь Кеплер следует пифагорейской традиции.

Г.В.Лейбниц – философ рубежа веков XVII-XVIII, он же математик, физик, юрист, историк, имеющий энциклопедические знания, получивший название «ходячая энциклопедия» – видел, с одной стороны, в музыке заложенную «предустановленную гармонию» математическую божественную основу и, с другой стороны, отмечал чувственное воздействие музыки. Лейбницу, сущность музыки математическая, а её явленность для нас посредством восприятия – интуитивное. «Интуитивное проявление музыкальной гармонии – это ясный символ, раскрывающий божественное Провидение, создавшее мир, где величайшее разнообразие сочетается с величественным порядком. Это совершенное сотворение мира» [7]. Божественная причина ведёт к интуитивному познанию гармонично устроенной вселенной, созданной Богом. По Лейбницу, «музыка нас очаровывает, хотя красота ее состоит лишь в соотношениях чисел и в счете ударов или колебаний звучащих тел, повторяющихся через известные промежутки, в счете, который мы не замечаем и который душа наша непрестанно совершает. Он утверждает, что содержание музыки составляют божественные числовые пропорции: «музыка есть арифметическое упражнение души, которая исчисляет себя, не зная об этом» [8]. Таким образом, сущность музыки, по Лейбницу, число, математика, Однако счет числам при восприятии музыкального искусства совершается не логическим разумом, а ведет душа интуитивно, каким-то скрытым бессознательным образом.

«Небесные тела парят на крыльях гармонии и ритма; то, что назвали центостремительной и центробежной силой, есть не что иное, как второе – ритм, первое – гармония. Музыка, поднявшаяся на тех же самых крыльях, парит в пространстве, чтобы соткать из прозрачного тела звуков и тонов слышимый универсум. Точно так же вся музыкальная система находит себе выражение в солнечной системе» [9].

В истории философской мысли музыка всегда была больше, чем вид искусства выделялась среди других искусств. В этой связи мною выдвинута оригинальная «Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром», изложенная в книге «Ценность музыки: философский аспект». В философской мысли музыкальное бытие, истоком которого является Универсум, представляется в двух взаимосвязанных ипостасях: во-первых, музыка по своей сущности есть Мировая гармония, Вселенский ритм, сам принцип закона и порядка текущих процессов мира. Во-вторых, музыкальное бытие есть искусство в мире человека и человека в мире музыки. На онтологическом уровне, с одной стороны, музыка есть субстанция, с другой стороны, музыка есть вид

искусства, является способом ценностного взаимодействия человека с миром. Самой музыке присуще нечто «неизменное и изменяющееся», что было подмечено Аристоксеном, затем Боэцием, Августином Аврелием, И. Кеплером, наконец, А.Ф. Лосевым. Неизменное выступает принципом гармонии, вневременного, субстанции; изменяющееся проявляет себя в ритме, движении, длительности. В идеалистическом представлении русской философии, как пишет А.Ф. Лосев, следующий идеям неоплатонизма, музыка выражает субстанциальное бытие, являясь атрибутом божественной субстанции. В традиционном реалистическом понимании сущностью музыки выступает гармония, трактуемая как акустический консонанс, благозвучие, соотношение звуковых пропорций, заключенных в числе. Числа имели символическое значение, они есть самостоятельные сущности и первые начала вещей по Аристотелю. Они же есть ангелы в представлении Прокла, придавшего схоластическую завершенность неоплатонизму в раннем Средневековье. Постановка проблемы «музыка как мир человека» предполагает то, что внеисторическая сущность музыки по закону гармонии воспроизводится в мире человека и претворяется им в музыке как виде искусства, в музыкальной деятельности. Человек слышит и выбирает в реальном мире те музыкально-выразительные формы, которые отвечают его ценностной ориентации.

Вместе с тем, можно говорить об универсальном свойстве музыкального бытия в контексте синтеза искусств. Музыка всего Универсума есть большой процесс в бесконечности движения противоположностей «Хаос-Форма», она есть единый процесс развития не только всей музыкальной истории, но музыка как процесс есть наиприсутствующая во всех видах искусства, выражающих по-разному вселенский ритм божественного универсума в поэзии, танце, живописи, архитектуре как «застывшей музыке». В труде «Философия искусства» Ф.В.Й.Шеллинга, отмечается, что художник в творении постигает идею сверхчувственной красоты и делает эту идею чувственной в искусстве. При этом универсальное бесконечное находит выражение в конечных формах искусства. Бесконечное выражается в конечном, как бы постепенно овнешествляется, происходит объективация идеи, когда искусство отображает гармонию и красоту самого мироздания, Универсума, которую гений узрел посредством природного дара. Музыкальное бытие как совершенное и прекрасное, по словам Шеллинга, изображающее божественный универсум через аллегория (музыка, поэзия), схематизм (живопись), символ (пластика скульптура, архитектура) являет сущность текучего мироздания посредством искусств, доводя до «застывшей музыки». В мире человека важны не только музыкальные произведения любых жанров (всё имеет право быть), но и универсальное «музыкальное» в искусствах и синтез искусств. Можно говорить об интеграции искусств с проникновением в сферу искусства универсально-музыкального, о музыкальной поэзии, музыкальной живописи, музыкальной архитектуре, которые в духовном существовании несут знания о мире, человеке и социуме. Во множестве взаимосвязей усматривается познавательная

(гносеологическая) ценность музыки и музыкального бытия. Аксиологический аспект предполагает рассмотрение музыкального бытия с точки зрения теории ценностей. Укажем на различие понятий «ценность музыки» и «ценности в музыке». Ценность музыки определяется взаимосвязью музыки-субстанции и музыки-искусства. Ценности в музыке родились и развивались в истории человеческого духа, культуры, имеющей стержень в религии и философии, в науке и искусстве. Ценности предполагают оценку качества музыкальной деятельности (сочинение, исполнение, восприятие, музыкальная критика), которая не мыслится вне музыкальной универсалии, обусловленной взаимосвязями метафизической триады «красота-добро-истина». Аксиологический аспект философии музыки обнаруживает всечеловеческие ценности по смысловому содержанию, вычитываемые из музыкального сочинения или смешанного интегрального искусства, подобно театральному, когда мы интерпретируем его содержание в свете своих ценностей. Это упражнение души за пределами математики. Значимость классической музыки, других искусств, стилей и жанров разных эпох сегодня определяется ценностью не столько исторического характера, сколько ценностью их современного смыслового контекста для человека. Коннотация, используя аксиологический метод, обращенный к ценностному сознанию, ставит слушателя в ситуацию экзистенциального выбора человеческих жизненных ценностей, которые он сам извлекает из форм-идеи музыки, или синтезированных музыкальных форм. «Человек воспринимающий», он же «человек музыкальный» стоит в центре антропо-аксиологического подхода при постижении искусства, «музыки как мир человека». Ценностные доминанты личности и социума являются «механизмами» взаимодействия в системе: сущность музыкального – Универсум – звуковое пространство – создатель музыки – реципиент (воспринимающий) [10].

Эволюционный процесс музыкально-синтезированных форм в поле зрения звукового восприятия с точки зрения науки направлен на расширение пространственно-временного звучания. Можно говорить о «музыкальном коде» и некоем общем законе структуры музыки-искусства. Это, во-первых, математическая структура, выступающая двояко: а) неподвижная суперструктура числа, за которой стоит физика консонанса; б) жизнь чисел, движение, изменяющееся. Во-вторых, эстетико-аксиологическая структура, также выступающая двояко: 1) трансцендентные ценности, 2) имманентные ценности. Движение ценностного взаимодействия в системе «человек – мир – музыка» мы представили так: Музыка-сущность (субстанция) – она всегда есть; есть число, логос, законы музыки. Автор интуитивно воспроизводит сущностные законы музыкального бытия. Произведение – форм-идея (музыкальная идея, выраженная в форме). Воспроизведение музыки (исполнитель, слушатель) есть «пробуждение», оживление музыкально-архитектурного построения, вживание его в сознание человека воспринимающего, или вселение человеческого духа в музыкально-

архитектурную схему исполнителем, слушателем, интерпретатором. Фоном ко всему этому процессу «музыкальной жизни», становления является весь звучащий мир (природы и культуры) во всем его многообразии. Другим фоном выступает мир вообще незвучащий, творимый человеческим сознанием, со всеми фантазиями и понятиями. Вся эта «вязь» музыкального и немзыкального, реального и ирреального и есть музыкальное ценностное взаимодействие человека с миром, не мыслимое без человека, музыкального произведения как реально «звучащего вещества» и музыки-субстанции. В этом сложно увязанном музыкальном мире, который для нас неотделим от нашего сознания, мы своим сознанием находим то, что способствует развитию человеческого духа. В центре философии музыки, трактуемой в контексте онтологического универсального бытия и интеграции искусств и наук, стоит «человек музыкальный», эстетически переживающий самобытие и вместе с тем глубоко ощущающий внутреннюю причастность к вечному, универсальному музыкальному бытию.

Список литературы

1. А.Ф.Лосев. Античная музыкальная эстетика.- М.: Музгиз, 1960. 304с. с.288.
2. Цит по кн.: Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект: Монография. – Оренбург: ИПК ОГУ,2006, с.37.
- 3.Францева-Дозорова. Философы и музыка. Москва: Самообразование,2007,с.7.
4. Платон. Государство. Сочинения в 3-х томах. Т.3. ч.2 1972. С.502.
5. Платон. Законы. Сочинения в 3-х томах. Т.3.ч.2. М.: Мысль,1972, с.136.
6. См. Коломиец г.г. Философия Аристотеля в значении онтологического статуса музыки// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. Москва, 2018. Т. 22. № 1, с 55.
7. Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006, с.111.
- 8.Цит по кн: Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. М. 1973,с.197.
9. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства – изд-во, «Мысль», 1999, с.240.
- 10.См.: Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006, с554-556.

КОНЦЕПЦИЯ УСПЕХА В АМЕРИКАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Куликов А.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Во многих трудах североамериканских авторов, в которых рассматривается «американская мечта» как социокультурное явление, часто предпринимаются попытки редуцировать мечту к традиционной «этике успеха» и утилитарным ценностям. Устремленность к личному успеху сегодня является одной из доминантных ценностей современного общества, отображаясь в культуре. Понятие успеха и мечты сегодня во многом определяют друг друга.

Понятие «успех» как один из главных критериев социальной и нравственной оценки в качестве своего основания имеет протестантскую этику, традиции которой во многом популярны в современном американском и западноевропейском обществе. Согласно протестантской этике, главной добродетелью является трудолюбие, которое должно способствовать зажиточности и благосостоянию. При этом каждому преуспевающему положено помогать своим ближним, в то время как малоимущие представляют для общества балласт, препятствующий экономическому развитию. Можно сказать, что, с точки зрения протестантизма, быть бедным – это грех. Таким образом, в протестантской этике создавалось основание для нравственного оправдания богатства, осуждения бедности и выхолащивания успеха как прямого пути к зажиточности.

Американскими историками часто отмечается, что североамериканский континент осваивали в основном бедные люди и во многом благодаря частной инициативе и трудолюбию они смогли достичь богатства. Нужно учитывать, что географические условия неосвоенного континента требовали от людей таких качеств, как предприимчивость, инициативность и целеустремленность. Таким образом, успех в Америке стал ассоциироваться с возможностью «выбиться в люди». Нужно добавить, что с этой особенностью этики «успеха» связан миф, согласно которому обычный рабочий может стать президентом, при условии использования своего шанса на успех.

Важно понимать, что стремление к успеху в соответствии с общепризнанными этическими нормами не является предосудительным. Общество в процессе своего развития ориентировано на успех: освоение природы, совершенствование орудий труда, развитие науки и техники, создание более комфортных условий жизни. Но при этом мораль «успеха» в западноевропейской и американской культуре отличается ориентацией человека на обогащение, как правило, в ущерб другому человеку. К тому же, индивид, который не достиг успеха, выраженного в материальном

благополучии, считается человеком «второго сорта». Западная «этика успеха» основывается на идеале индивидуализма и эгоизма.

В основании американской этической концепции успеха лежат литературные произведения, особенно периода Гражданской войны. Позднее мораль успеха закрепились в общественном сознании, получив вербальное выражение в афоризмах, например, «победитель забирает все» или «победителя не судят».

Тема успеха стала популярной в американской литературе, начиная с 1850 года. Данная литература до сих пор пользуется постоянным спросом и популярностью среди американской аудитории. В книгах об успехе утверждаются ценности, предназначенные, прежде всего, для массового потребителя. Мифы о преуспевшем герое стали покорять сознание американского общества. Классиком этого жанра является Горацио Алджер-младший. Алджер в своих произведениях стремится приравнять стремление к успеху и стремление к счастью, при этом стремление к успеху редуцировав до меркантильности. Таким образом, между понятием счастья и деньгами был поставлен знак тождества.

Этика успеха была подхвачена другим пропагандистом успешности и ее воплощением Эндрю Карнеги. В таком труде, как «Триумф демократии», он утверждал, что концентрация богатства и власти в руках немногих является необходимым условием общественного прогресса. Следовательно, развитие общества находится в полной зависимости от миллионеров.

Нравственный императив, основанный на идеале успеха, стал распространяться на всю систему ценностей. Идея успеха становится критерием национальной морали и ментальности. Но в контексте индивидуализма и эгоизма она стала восприниматься в первую очередь как «личный успех», «индивидуальное достижение». Идея личного успеха, составляющая основу традиционной системы ценностей американского общества, связана с концепцией «личной ответственности» или «надежды на собственные силы». Данная концепция имеет идеологическое значение, цель её состоит в перенесении ответственности за успех или неуспех с общества на индивида.

Можно сказать, что, индивидуализируя успех, идеологи западноевропейских и американских ценностей снимают с общества и государства ответственность за неуспех большинства членов общества. Тем самым данная идеология выводится из-под критики. Это признают некоторые американские социологи и культурологи, поскольку отождествление успеха с индивидуальными способностями, а неуспеха — с неполноценностью индивида способствует стабильности и сохранению существующих нравственных утилитарных норм путем переключения критики с социальных институтов на индивида. Ю. А. Замошкин пишет: «Концепция «личного успеха», особенно в ее традиционном американском варианте, включает в качестве важнейшего элемента так называемую идею «личной ответственности» индивида в борьбе

за успех. Идея эта гласит, что успех человека зависит лишь от его личных, индивидуальных качеств, от свойств его воли к победе, от его энергии. Если ты недостойн успеха, значит, ты сам и только сам виноват в этом – вот существо этой идеи» [2, с. 56].

Менталитет и культура современного общества США обусловлены широкой популярностью мифа о всеобщем равенстве. В контексте концепции «личного успеха» американский образ жизни и демократические ценности в американской интерпретации основываются не на равенстве в широком смысле этого понятия, а на «равенстве возможностей», зависящих от личностных качеств. Американский идеал успешной личности, широко пропагандируемый в западной литературе и кинематографе основывается на социокультурной мобильности, согласно которой каждый член демократического общества якобы начинает с одной и той же точки в погоне за собственным успехом. Этика успеха, снимая нравственные санкции и стимулируя конкуренцию, прежде всего, обосновывает не всеобщее равенство, а превосходство одних членов общества над другими. Ю.В. Крючкова отмечает: «Конкуренция и дух соревнования оказались востребованы и в период освоения Америки, и в период экономического роста этой страны: на первый план выходит человек деятельный и предприимчивый, умеющий использовать любой шанс и реализовать любую возможность, а развитие рыночных отношений еще больше усиливает эту тенденцию» [3, с. 60].

В соответствии с этой утилитарной концепцией, в частности, посредством образов героев литературных произведений и кинематографа восхваляется идеал человека, добившегося успеха, являющегося победителем по жизни. Соответственно, образ неудачника не может быть основным в американской культуре.

Американский кинематограф позволил успешно интегрировать в общественное сознание императивность «успеха», наряду с американским вариантом концепции «равноправия». Как пишут Т.Г. Голенопольский и В.П. Шестаков: «Действительно, концепция «равных возможностей» в буржуазном контексте служит орудием манипуляции общественным сознанием, поскольку она утверждает, что не капиталистическая эксплуатация, а несоблюдение «этики успеха» приводит к тому, что около 24 миллионов американцев живут на грани бедности. Иными словами, из этого следует, что препятствием на пути к успеху оказывается не капитализм, а сам человек. Вина за бедность, таким образом, ложится не на социальную систему, а на отдельного человека, который якобы не проявил достаточной инициативы и предприимчивости в погоне за успехом» [1, с. 47].

Концепция успеха получила широкое распространение не только в американской и европейской культуре, но и ряде других стран во многом благодаря пропаганде посредством массовых коммуникативных технологий, в первую очередь кинематографа, который гламуризировал и романтизировал притягательный образ человека, добившегося успеха самостоятельно.

Список литературы

1. Голенопольский, Т.Г. «Американская мечта» и американская действительность / Т.Г. Голенопольский, В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – 208 с.
2. Замошкин, Ю.А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность / Ю. А. Замошкин. – М.: Знание, 1967. – 62 с.
3. Крючкова, Ю.В. Концепты конкурентноспособность и успех в американской культуре / Ю.В. Крючкова // Иностранные языки в экономических вузах России: всероссийский научно-информационный альманах. – СПб., 2017. – С. 59-63.

ИДЕОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Идеология и образование – феномены, имеющие давнее происхождение. Истоки идеологии коренятся в магических представлениях, на основе которых в более поздние времена оформились религиозные идеологические теории. Предпосылки образования возникают тогда, когда один первобытный человек показал другому способ обработки каменных орудий. С этих пор люди непрерывно прилагали усилия, развивая сферы образования и идей. Созданием систем знаний занимались в первую очередь религиозные и моральные институты, и эти знания преимущественно были идеологическими, то есть социально ориентированными и социально заинтересованными. Образование опирается на науку, поэтому в идеале в основе образования должно быть не идеологически искажённое, а объективное, научное знание, адекватно отражающее социальную и иную реальность. Однако на практике имеет место смешение идеологического и научного знания. Одна из главных проблем взаимодействия образования и идеологии – это как раз проблема соотношения идеологического и научного знаний. Проблема заключается в том, что идеология проникает в науки (и образование) и мешает формированию научной картины мира. Проникновение осуществляется через многие каналы и, прежде всего, через самого человека – субъекта познания. Особенно уязвимы в этом отношении социально-гуманитарные науки, для которых наличие субъективного фактора (личной позиции учёного) особенно чувствительно. Естественным для наук является стремление ограничить воздействие на них идеологии и субъективного фактора. Однако наличие идеологии и субъективного фактора в науке – объективная реальность, обусловленная социальностью и самой природой научного познания, устранить их невозможно, поэтому речь может идти только об уменьшении дисфункциональной значимости этих факторов.

Проникновение науки в идеологию, напротив, функционально, увеличивает объяснительные возможности идеологии, её претензии на статус теории, показывающей способы решения острых социальных проблем и пути движения к лучшему обществу. В качестве таковых теорий идеологические представления становятся предметом анализа социальных наук, проникают в систему образования и способствуют формированию мировоззрения учащихся. Различные системы знаний, представленные идеологией и наукой, синтезируются в образовании и выполняют важную функцию социализации личности. Современные общества нуждаются, таким образом, не только в институтах науки и образования, но и в развитых системах идеологии.

В общем смысле под идеологией можно понимать систему взглядов и идей, характеризующих какую-либо социальную группу и выражающих её социальный интерес. Как форма массового сознания идеология в том или ином виде органически присуща большим группам людей и является структурным элементом любой цивилизации. Уже в древности возникли религиозные идеологии, распространявшие учения о мире, обществе и человеке. Одновременно в Древней Греции, а затем и в средневековой Европе заявили о себе философия и наука как самостоятельные, отличные от религии формы мышления. Таковыми стали и политические идеологии, производившие нерелигиозные системы знаний. За последние 500 лет созданы главные светские идеологии, продолжающие эволюционировать и сейчас. Коммунизм как мировая политическая идеология ведёт начало с «Утопии» Т. Мора (1516 г.), классический либерализм сформировался в XVII–XVIII вв., чуть позже либерализма возник консерватизм, а затем и другие нерелигиозные идеологии.

Политические идеологии распространялись на планете, а теоретического осмысления этого феномена ещё не было. Термин «идеология» ввёл в научный оборот Дестют де Траси, лидер группы французских философов, получивших название идеологов, выступивший с докладом 20 июня 1796 г. в революционном Париже. Доклад назывался «Проект идеологии». Автор предлагал на основе обобщения и систематизации учений выдающихся мыслителей Ф. Бэкона, Дж. Локка, Э.Б. Кондильяка и других создать особую «теорию теорий» или науку об идеях – идеологию. Новая наука, по мысли автора, должна способствовать улучшению общественного устройства. Термин «идеология» был закреплён в сочинении Д. де Траси с характерным названием «Элементы идеологии» [1, с. 275]. Наполеон пренебрежительно назвал сторонников де Траси, выступавших против абсолютистских притязаний будущего императора, «идеологами», демагогами и болтунами. К. Маркс позже назвал Д. де Траси буржуазным доктринёром [1, с. 275; 2, с. 600], что, вероятно, было не совсем справедливо, учитывая то обстоятельство, что де Траси являлся приверженцем либеральной экономики, а сам Маркс стал если и не антибуржуазным доктринёром, то родоначальником мировой идеологии. Так или иначе, но усилиями Д. де Траси и его критиков было положено начало теоретическому осмыслению идеологии – важнейшего феномена духовной жизни общества.

У истоков социологического анализа идеологии стояли К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, К. Мангейм и некоторые другие теоретики. По мысли Маркса и Энгельса, идеология есть результат классовой дифференциации общества. Идеология – классовое явление. В своих произведениях они неоднократно называли идеологию «иллюзорным», «ложным сознанием», отражающим реальность с позиции интересов каких-либо социальных групп. Уже в «Немецкой идеологии» (1846 г.) – первом сочинении, представившем миру материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс указали на противоположность идеалистических (идеологических) и материалистических

концепций, по-разному отражающих действительность. Если в идеологическом подходе реальность предстаёт в искажённом, перевёрнутом виде, то научный подход всегда остаётся «на почве действительной истории» [3, с. 37]. Идеологическому подходу, как одностороннему, социально заинтересованному отражению действительности, Маркс и Энгельс противопоставили подход научный. Марксизм они не считали идеологией. Своё учение, несмотря на явное противоречие, они характеризовали как науку, а не идеологию. Противоречие заключалось в зримой социально-классовой заинтересованности марксизма. Более того, марксизм стал единственным учением среди мировых идеологий, открыто заявившим о своей классовой заинтересованности. Как при таких обстоятельствах можно обосновать научный статус марксистской теории? Сами Маркс и Энгельс разрешали данное противоречие указанием на открытие законов формационного развития и неизбежность победы пролетарской революции. То есть, научность марксизма связывалась с раскрытием исторической миссии пролетариата, класса, обеспечивающего и выражающего своей деятельностью социальный прогресс. Предполагалось, что теория, адекватно отражающая реальность и раскрывающая механизм, пути и способы социального прогресса, научна.

В.И. Ленин ввёл категорию «научная идеология», окончательно разрешив противоречие между идеологической и научной частью марксизма. То, что Маркс и Энгельс называли научным социализмом и коммунистическим мировоззрением, Ленин обозначил как научную идеологию пролетариата. Отлично понимая важность идеологии как инструмента классового воспитания и политической борьбы, он писал в феврале 1902 г.: «...ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию - учение научного социализма, т. е. марксизм» [4, с. 269]. Научность теории социализма Ленин видел, как и Маркс, в раскрытии прогрессивной деятельности рабочего класса - творца нового общества. Все политические идеологии стремятся использовать науку и опираться на её положения и открытия. Элементы научности имеются во многих крупных идеологиях, но лишь марксизм, по мысли Ленина, является подлинно научной идеологией. Вот это соединение в марксизме научной и идеологической сторон и выяснение классовой сущности идеологических теорий позволило марксистам типологизировать идеологии, разделяя их в гносеологическом смысле на научные (истинные) и ненаучные (ложные), в социально-политическом смысле – на революционные и реакционные, прогрессивные и консервативные, либеральные (реформаторские) и радикальные, интернационалистские и националистические, по классовому характеру – на пролетарские, крестьянские, мелкобуржуазные, буржуазные и т.д.

В марксизме Ленин, вероятно, вообще не разделял научные и идеологические элементы, для него все три части марксизма (философия, политическая экономия и учение о классовой борьбе – социализм) имели

научный характер. В то же время для Ленина и марксизм в целом, и учение о социализме в особенности, обладали огромным идеологическим и революционным потенциалом. Не случайно, характеризуя марксизм в статье, посвященной тридцатилетию со дня смерти Маркса (1913 г.), Ленин подчеркнул, что «главное в учении Маркса, это - выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества» [5, с. 1]. То есть, на первое место Ленин поставил идеологическую функцию марксизма. Действительно, теория научного социализма в своих главных положениях легко переводилась на язык политических доктрин, лозунгов и практических действий, звала пролетариат к объединению и борьбе за революцию. Марксизм именно в форме идеологии коммунизма (марксизма-ленинизма) вышел за рамки научной теории, овладел сознанием миллионов простых людей, стал их духовным оружием в борьбе за лучшую жизнь. Ленинская концепция научности идеологии сделала понимание этого феномена более полным и конструктивным. Ленин показал, что идеология не только (и не столько) форма «иллюзорного сознания», но сложный идейный комплекс, выполняющий важные функции.

Дальнейшее теоретическое осмысление проблематики идеологии осуществлялось в разных направлениях. В русле марксистской традиции действовали Д. Лукач, А. Грамши, а также представители неомарксизма. Они делали акцент на идеологии как форме классового сознания. Впрочем, от элементов классового анализа не отказывались и представители других направлений. Тематика исследования идеологии была расширена и охватывала вопросы природы идеологии, её соотношения с истиной, наукой, образованием, политикой, экономикой, ценностями и т.д. Одним из создателей теории идеологии выступил немецкий социолог Карл Мангейм (Манхейм). В работе «Идеология и утопия» (1929 г.) он развил социологический подход к данному феномену. Идеология, определяемая им как социально значимая система идей, необходима любому общественному строю. С помощью идеологии правящий класс даёт теоретическое обоснование существующего строя и обеспечивает сохранение своего положения. Таким «идеологиям» всегда противостоят «утопии» - теоретически размытые, эмоционально окрашенные идейные системы, выражающие интересы, чувства и настроения обездоленных и угнетаемых социальных слоёв. С приходом последних к власти «утопии» автоматически превращаются в «идеологии». Между идеологиями и утопиями много общего, но есть и различия. Если идеологии выступают преимущественно в качестве идей, маскирующих и оправдывающих социальную реальность, то утопии – в роли представлений, взрывающих общественный порядок. И те, и другие являются элементами механизма социально-исторического развития. Исчезновение идеологий и утопий сравнимо с завершением истории. Если и можно представить в будущем исчезновение идеологии, то полное исключение утопии привело бы к

изменению всей природы человека и всего развития человечества, заключает Мангейм [См.: 6].

Идеи Мангейма оказали серьёзное влияние на формирование социологии идеологии. В его сочинениях идеологический феномен был подвергнут всестороннему анализу. Марксизм в борьбе со своими противниками сделал открытие, которое, по мысли Мангейма, должно быть доведено до своего логического конца. Марксистское открытие об идеологии, как односторонней классово обусловленной теории, и соответственно о наличии элементов идеологии в политическом мышлении противника, следует распространить и на сам марксизм. При этом Мангейм далёк от определения идеологии исключительно как субъективно-пристрастной формы ложного сознания. Хотя в «частичных идеологиях» может присутствовать и сознательная политическая ложь. Подчёркивание классовой заинтересованности придаёт идеологии положительное содержание, ибо указывает на реальные социальные проблемы и противоречия и на различие мировоззренческих позиций. Социальная обусловленность мышления не обязательно выступает источником заблуждения, напротив, в ряде случаев именно она и придаёт проницательность пониманию реальности, говорит Мангейм [6, с. 108, 109]. С последним утверждением мог бы согласиться и Ленин.

Современное общество не может существовать без развитой идеологической сферы. Последняя сложно структурирована и включает религиозные и светские идеологии и идеологические концепции, разнообразные идеолого-воспитательные практики, опирающиеся на идеологический механизм. Этот механизм состоит из многих людей и организаций, так или иначе связанных с разработкой, распространением и внедрением в сознание масс идеологий и идеологических концепций. Идеологические функции в обществе выполняют многие институты и организации, не являющиеся по своей прямой функциональной направленности идеологическими. Литература, философия, наука, искусство в строгом смысле не являются идеологиями, но выполняют важные идеологические функции. Это обстоятельство даёт основания для рассмотрения не только религии, политики и государства, но и науки, культуры и образования как институтов идеологических.

Наука и образование выступают инструментами социального прогресса, без их развития общество обречено на застой и деградацию. Не случайно М. Вебер указывал на науку как фактор рационализации общества. Очевидны различия между наукой и идеологией. У них разные цели, методы их достижения и конечная продукция. Цель науки – достижение объективного знания об окружающем мире, цель идеологии – формирование в сознании людей определённого видения социальной реальности и манипулирование поведением людей в нужном направлении. Для большей доказательности идеология опирается на науку, использует её данные и сама принимает форму наукообразной теории. Вспомним «армию» зарубежных советологов и других

западных идеологов с учёными степенями, разоблачивших советскую идеологию. Идеология активно проникает в науку, и проблема заключается в том, чтобы определить объём причиняемого науке вреда и постараться минимизировать его. Вопрос заключается и в том, как обнаружить и перекрыть каналы проникновения идеологии в науку.

Таких каналов несколько и один из них – это сам человек, субъект познания. Казалось бы, что человек для оценки социальной ситуации и решения социальных проблем нуждается в объективных данных и научном анализе. Но в действительности происходит как раз наоборот. Сама жизнь (социальное неравенство, конфликты, несправедливость) заставляет людей мыслить идеологически, с позиции своей группы (класса). Получается, люди вообще мыслят идеологически. Групповое социально заинтересованное мышление, это мышление идеологическое. Оно воздействует на науку, искажая её данные. Искажения проникают во все социальные (и даже естественные) науки, но более всего они видны в истории. В преднамеренной фальсификации истории задействованы не случайные дилетанты, а хорошо образованные высокооплачиваемые «специалисты». И дело здесь не только в идеологическом характере мышления людей, но и в других факторах распространения идеологии, в особенности в том, что подразумевается под «социальным заказом».

Другая сторона этого вопроса (и ещё один канал распространения идеологии) – личность самого учёного. Учёные по определению привержены научному типу мышления и принципам научного познания. В своей исследовательской деятельности они стремятся к объективному, правдивому знанию, но при этом вовлечены в общественные связи, в научные и другие социальные группы и выступают носителями социальных ценностей и интересов. Как справедливо заметил Мангейм, видение истории (отражение социальной реальности) «зависит от того, какое место исследователь занимает в социальном потоке» [6, с. 108-109]. Но как быть с фактором личной социальной заинтересованности учёного, каким образом уменьшить дисфункциональное действие субъективного фактора в науке? Ленин ещё в начале своей теоретической деятельности предложил решение этого вопроса. Речь идёт о широко известном впоследствии принципе партийности. Критикуя буржуазный объективизм, он подчёркивал, что материализм (марксизм) обязывает исследователя «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определённой общественной группы» [7, с. 419]. Не возражая против объективизма как принципа науки, Ленин считал, что партийность позволяет марксистам проводить свой объективизм гораздо последовательнее, глубже и полнее. Марксистское, а в особенности советское, обществоведение активно проводило в жизнь принцип партийности, что на деле не только не препятствовало, но во многом способствовало проникновению идеологического мышления в науку.

К. Мангейм, исходя из того, что любое историческое, а тем более политическое мышление обусловлено социально, считал наличие субъективного фактора в науке делом объективным. В социально-исторических трудах, писал он, всегда «можно установить, с какой позиции рассматривается изучаемый объект» [6, с. 109]. Ранее, как известно, М. Вебер в своей социологии дал развёрнутое решение этого вопроса. Чтобы разграничить принципы строгой научности и идеологии, он ввёл категории «ценностное суждение» и «отнесение к ценностям». Ценностные суждения всегда субъективны, это личная позиция и разные пристрастия учёного, они не должны проникать в область научных исследований. Наука должна быть свободна от любых оценочных суждений. «Отнесение к ценностям» объективно, это своего рода «интерес эпохи», определяющий актуальность и направленность научных исследований. Ценности, формируемые конкретной социально-исторической средой, служат ориентиром в отборе и организации эмпирического материала (социальных фактов) [См.: 8]. О том, как непросто следовать принципу свободы от идеологических оценок, свидетельствует вся история социальной науки. Труды самого Вебера можно считать образцом интеллектуальной честности учёного. Но и ему не удалось избежать социальной оценки со стороны – наименования «буржуазный Маркс». Вклад Вебера в развитие социальных наук не помешал и советскому обществоведению причислить его к разряду буржуазных учёных, что во многом являлось выражением социально заинтересованной (идеологической) позиции.

Рост идеологической составляющей в науке и образовании хорошо просматривается в трансформирующихся обществах. Характерна в этом отношении картина в современной Украине. Общественное сознание и общественная мысль в республике переполнены идеологемами, что неизбежно сказывается на науке и образовании. Иллюстрацией может служить позиция группы украинских историков по вопросам голода 1932 – 1933 гг. Голод, охвативший зерновые районы СССР (от Украины до Дальнего Востока), бесспорно, был следствием действий сталинского режима. Но не было политики голода, специально направленной против украинского населения. Концепция «голодомора» (сознательного, целенаправленного геноцида украинцев) идеологична и не выдерживает научной критики.

Социальная обусловленность познания общественных явлений – главный канал проникновения идеологии в науку и образование. Как показывает практика, даже строгие научные теории общественного развития создаются с той или иной долей социальной заинтересованности. Групповой интерес проявляется как в личной позиции учёного («партийности», по Ленину), так и в случае, когда научная теория предлагает способы решения жизненно важных социальных проблем. Становится ясно, в интересах какого социального слоя (группы) решается этот вопрос. Причём, грань между научным и идеологическим содержанием в теории тонка и подвижна. Когда социальная

заинтересованность начинает преобладать над объективным содержанием знания, научная теория превращается в идеологию.

Избежать оценочного момента в социальном познании (как надеялся Вебер) невозможно. Оценочный момент (социальные пристрастия, интересы, идейно-теоретические представления автора) проявляются на всех этапах научного исследования – от сбора материала, его структурирования до теоретического обобщения. Фактор социальной оценки действует в разных направлениях, в том числе способен вызывать серьёзные искажения исторической реальности. В качестве примера можно привести творчество крупнейшего немецкого историка XIX в. Л. Ранке – приверженца научного объективизма, автора известной формулы «писать, как это было на самом деле». Его перу принадлежит шеститомная „История Германии в эпоху Реформации“. В этом масштабном произведении автор описывает все повороты религиозно-политической борьбы, мельчайшие подробности заседаний рейхстагов, и лишь одна небольшая глава посвящена Крестьянской войне – эпохальному событию немецкой истории. Такая структура сочинения искажает реальную историческую действительность и показывает консервативно-политические взгляды автора [См.: 9, с. 67]. При этом, конечно, социально ориентированное мышление не обязательно должно приводить к грубому искажению реальности. Большое значение в исследовательской деятельности имеет профессиональная социально-историческая интерпретация эмпирического материала, с той лишь поправкой, что в теоретических обобщениях неизбежно присутствует «интерес эпохи» (в том числе социальный заказ) и субъективный фактор (идейно-теоретические представления автора).

Образование занимается производством и потреблением разных систем знания, главными из которых являются знания научные и идеологические. Функционально система образования «богаче» идеологии, она выполняет разнообразные экономические, социальные, культурные, политические, идеологические и иные задачи. В идеологическом знании есть элементы науки, а в научном знании содержится заметная доля идеологии. Это позволяет в определённых параметрах говорить о социальной науке (философии, социологии) как об идеологии. Существует и другая сторона этого вопроса. Образование социально обусловлено, а значит, выполняет социальные заказы и несёт идеологическую функцию. Ещё К. Мангейм в своих сочинениях с позиции социологии знания акцентировал внимание на этой проблематике. В работе «Диагноз нашего времени» он писал, что образование – «часть общего социального процесса» и его цели могут быть поняты только в связи с общественным строем, в котором они формируются [10, с. 479, 481]. В силу социального характера образование неизбежно попадает в эпицентр классовой (общественной) борьбы. Мангейм говорит: «образование исконно является сферой борьбы, миниатюрной копией борющихся в социальной сфере стремлений и тенденций» [6, с. 133]. О том, как образование может стать сферой классовой (идеологической) борьбы показывает российская история.

Достаточно вспомнить действия большевиков после революции - закрытие исторических факультетов, высылку из страны учёных-обществоведов и т.д. Идеи Мангейма об образовании и идеологии, высказанные в 30–40-е годы прошлого века, не утратили своей актуальности и сейчас.

Взаимодействие идеологии и образования динамично и противоречиво. Имеет место как противостояние, так и сотрудничество. Вместе они выполняют важнейшую задачу социализации личности – формируют человека для конкретного общества. В этом плане работа идеологии направлена на идеологическую социализацию личности. С помощью образования и идеологии человек обретает важные для себя (социальные, политические, национальные) идентичности. Препятствием для чрезмерного проникновения идеологии в науку и образование служат общие принципы научного познания, профессионализм, ответственность и интеллектуальная честность учёного. В известном смысле образование и идеология «обречены» на взаимодействие и сотрудничество, важно, чтобы эти «отношения» были конструктивными и полезными для общества.

Список литературы

1. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. – М.: Центрполиграф, 1995. – 461 с.
2. Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 843 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. - Т. 3. – С. 7 - 544.
4. Ленин В.И. Политическая агитация и «классовая точка зрения» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 6. - С. 264 - 270.
5. Ленин В.И. Исторические судьбы учения Карла Маркса // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 23. - С. 1 - 4.
6. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. - М.: Юрист, 1994. – С. 7 – 276.
7. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 1. - С. 347 -534.
8. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 547 – 601.
9. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. - М.: Высш. шк., 1989. - 175 с.
10. Мангейм К. Диагноз нашего времени // Мангейм К. Диагноз нашего времени. - М.: Юрист, 1994. – С. 412 – 571.

СУИЦИД КАК ФОРМА АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент, Савинова Е.В.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Общество устроено таким образом, что в процессе социального взаимодействия индивидов (и социальных групп) неизбежно возникают отклонения от общепринятых норм. Такие отклонения называются социальной девиацией. Она объясняется многими объективными и субъективными причинами. В их числе социальное неравенство, структурные изменения общества, наличие конкурирующих культур, различное понимание ценностей и культурных норм, особенности социализации личности, специфика исполнения социальных ролей. Девиантное поведение имеет широкий спектр проявления и делится на два больших типа: культурно одобряемые (конструктивные) и культурно неодобряемые (деструктивные) отклонения вплоть до преступного поведения. Особое место в структуре девиации занимает суицид (самоубийство). Суицидальное поведение относится к числу максимально неодобряемых отклонений, хотя и не подлежит уголовному наказанию. В религиозной традиции самоубийство рассматривается как грех и предполагает церковное осуждение.

Суицидальное поведение всегда привлекало внимание учёных. Анализ этой проблемы имеет давнее происхождение. Ещё античные философы рассматривали самоубийство в русле проблемы предназначения человека и его места в обществе. Христианские мыслители анализировали феномен суицида в рамках концепций греха и свободы воли человека. Начало изучения суицида в социологической традиции положил Эмиль Дюркгейм в своём исследовании «Самоубийство. Социологический этюд» (1897 г.). Он выделил четыре основных типа суицида: аномический, фаталистический, эгоистический и альтруистический. Эта типология служила обоснованием принципиального тезиса о том, что самоубийства в обществе имеют социальную природу и зависят, прежде всего, от внешних причин. Значение имеет то обстоятельство, насколько человек свободен от общества либо, наоборот, зависим от него или поглощён им. И то и другое может способствовать суициду. Решающим, по мнению Дюркгейма, является фактор социальной интеграции (солидарности), обратно пропорциональный уровню самоубийств. И наоборот, социальная изоляция человека от своей группы создаёт суицидальные риски и способствует росту числа самоубийств. Со времени Дюркгейма социально-гуманитарные науки достигли большого прогресса в изучении проблематики суицидального поведения, проводя исследования в самых разных направлениях, включая анализ антропологических, анатомических,

биохимических, психопатологических и иных факторов. Бесспорным является то, что суицидальное поведение обусловлено целым комплексом социально-объективных и личностно-субъективных причин.

Социология, в отличие от других научных направлений, акцентирует внимание на том, что суицид – опасная форма отклоняющегося поведения, социальная патология, имеющая серьёзные последствия [1, с. 191]. Эти последствия могут проявляться как на микроуровне (семья и другие малые группы), так и на уровне больших групп и общества в целом. Соответственно и проблемы, порождаемые суицидом, затрагивают жизнь, благополучие, деятельность как малых групп, так и социальный порядок и социальную жизнь больших объединений и всего общества. Самоубийство как преднамеренный акт убийства самого себя требует разработки критериев, которые отличают его от других видов смерти. Внешняя простота этого явления обманчива. Многообразие целей, мотивов, видов и способов осуществления суицида актуализируют проблему разработки критериев, с помощью которых можно отличать самоубийство от других видов смерти, а также от множества различных «околосуицидальных» явлений.

Заслуживают внимания следующие критерии. Во-первых, добровольность, означающая, что человек действует по собственному желанию. Это отличает суицид от убийства и самоубийства по принуждению. Во-вторых, самостоятельность, означающая, что человек убивает себя без помощи других людей, собственными руками. В этом отличие от эвтаназии – прекращения жизни человека врачами по собственной просьбе. В-третьих, сознательность, свидетельствующая, что в момент совершения акта самоубийства человек полностью осознает свои действия и вытекающие из них последствия. Этим отличается суицид от так называемых «несчастных случаев» (случайной смерти). В-четвертых, критерием самоубийства является намеренность – человек стремится к смерти как осознанной цели. Это отличает самоубийство и от несчастного случая, и от подвига – поступка, который приводит к вынужденной смерти. И, наконец, пятым критерием выступает достаточность, означающая, что итогом действий человека неминуемо становится смерть. Этим отличается самоубийство от различных видов суицидальной активности, включая незавершённый суицид [2, с. 66]. В литературе дискутируются и другие критерии суицида, что свидетельствует о сложности и обширности проблематики самоубийства.

Суицид – относительно массовое социальное явление, входит, по оценкам ВОЗ, в число десяти наиболее распространенных причин смерти во всех странах. Социальные и психологические последствия самоубийств очевидны. В среднем шесть человек оказываются под воздействием одного самоубийства, а последствия самоубийства на рабочем месте отражаются на сотнях людей [3, с. 106]. Последнее явление, как правило, связано с высокой интенсификацией и ухудшением условий труда, большой продолжительностью рабочего времени, переработками, плохой морально-психологической атмосферой в коллективе и

т.д. Для России актуальность темы суицида определяется тем обстоятельством, что наша страна входит в десятку стран с высоким уровнем самоубийств. Но так было не всегда. Дореволюционная Россия с преобладанием сельского населения и распространением православной культуры, осуждающей суицид, отличалась низким уровнем частоты самоубийств. Ситуация стала меняться с ростом индустриализации и урбанизации. Определённую роль играл и фактор пропаганды атеизма в советском обществе. Распад Советского Союза и либеральные реформы начала 90-х годов, вызвавшие падение экономики, дифференциацию населения, рост бедности и криминализацию общества, способствовали росту уровня самоубийств. В 1995 г. уровень частоты самоубийств достиг значительной величины - 41,5 случай на 100 тыс. населения [3, с. 106]. С этого времени коэффициент смертности от самоубийств (отношение количества самоубийств к 100 тыс. человек населения) в России неуклонно снижается. В 2005 г. он составил – 32,1, в 2010 г. – 23,4, в 2014 г. – 18,5 случаев [4, с. 22]. В последующие годы снижение частоты самоубийств в России продолжилось (в 2016 г. - 15,6 случаев) [3, с. 106], это средний уровень по классификации ВОЗ.

Несмотря на тенденцию снижения уровня самоубийств, проблема суицида в России продолжает оставаться острой. В абсолютных цифрах смертность от самоубийств составила в 2005 г. – 46,1 тыс. человек, в 2010 г. – 33,5 тыс., в 2014 г. – 26,6 тыс. человек [4, с. 21], что, в общем, сравнимо с численностью небольших городов. Приведённые данные превышают показатели смертности от убийств и сопоставимы с показателями смертности в транспортных авариях. Погибших в транспортных авариях было в 2005 г. 40,2 тыс. человек, в 2010 г. – 28,6 тыс., в 2014 г. – 28,8 тыс. человек [Там же].

У российского суицида существует и социально-экономическая сторона. Самоубийства людей в трудоспособном возрасте оборачиваются и экономическими потерями. Среди российских суицидентов преобладают лица именно трудоспособного возраста. Коэффициенты смертности от самоубийств в трудоспособном возрасте (мужчины – 16 – 59 лет, женщины – 16 – 54 года) заметно превышают общие коэффициенты суицида. При этом показатели мужских самоубийств в несколько раз превышают аналогичные показатели женских самоубийств. Приведём коэффициенты суицида, рассчитанные для лиц трудоспособного возраста (число умерших от самоубийств на 100 тыс. населения соответствующего пола и возраста): 2005 г. - мужчины – 70,2, женщины – 9,4, 2010 г. – муж. – 50,6, жен. – 7,7, 2014 г. – муж. – 39,8, жен. – 6,0 случаев [4, с. 23]. Отмеченные тенденции продолжают действовать и сейчас.

Смертность от самоубийств в России имеет социально-демографические особенности. Наиболее существенные из них следующие. Уровень мужских самоубийств в несколько раз превышает аналогичный показатель женских самоубийств. Это, в общем, отражает мировую тенденцию. Частота самоубийств в сельской местности выше, чем в городах. Такая ситуация обусловлена самыми разными причинами, среди которых на первом месте

наличие трудностей и проблем сельской жизни. Большинство самоубийств в России, как уже отмечалось, совершается не пожилыми людьми, а лицами трудоспособного возраста. Что порождает в обществе дополнительные социальные проблемы. При общей тенденции снижения уровня детского (подросткового) суицида и колебании его показателей, данная проблема продолжает оставаться острой. Что требует особых решений и действий всех заинтересованных в решении этой проблемы сторон. Наконец, наблюдается сильная региональная дифференциация уровня суицида в России. Существуют регионы с низким уровнем самоубийств (например, Чечня) и регионы с высокой частотой суицида (Чукотка, Бурятия, Алтай и некоторые другие). Оренбургская область входит в число регионов с высоким уровнем суицида. Именно этим обстоятельством обусловлено принятие Закона Оренбургской области от 2 июля 2018 г. (№ 1144 / 287 – VI – 03) «О профилактике суицидального поведения населения в Оренбургской области». Как следует из названия самого документа, в нём предусмотрены меры по снижению уровня частоты самоубийств.

По оценке, распространённой в научной литературе, в России до сих пор предпринимается недостаточно усилий для интенсивной профилактической работы. Законы, принятые в регионах, делают шаги в правильном направлении. Только принятия одних законов, конечно, недостаточно. В условиях, когда различия в возрастных категориях и мотивации самоубийств чрезвычайно велики, нужна комплексная, систематическая и многопрофильная работа по профилактике суицидального поведения населения и особенно подростков и молодёжи. Вопрос жизни и смерти всегда будет волновать людей. А тем более вопрос о сознательном и добровольном уходе из жизни. Задача общества – обеспечить безопасность жизнедеятельности, связь человека с социумом, с конкретной социальной средой. Это и будет гарантией сохранения социальной и психологической устойчивости человека и мерой профилактики суицида.

Список литературы

1. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.
2. Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев // Суицидология. – Том 7. - 2016. - №1 (22). - С. 64-67.
3. Коротков П.А., Загайнова Е.А. Частота самоубийств и использование времени в сферах быта и досуга // Социологические исследования. - 2019. - № 1. - С. 106-115.
4. Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 174 с.

ЧТО ДУМАЮТ РОССИЯНЕ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ?

Мамадназарбекова А.Х.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Межнациональные браки, как одна из форм браков, является распространённой для современного российского общества. Распространение межэтнических браков на территории России является результатом исторических процессов, протекавших с участием многонационального состава страны. Особое влияние на распространение межнациональных браков оказала политическая идеология советского союза, провозглашающая единство народа. Данная политика формировала в умах людей идею о единстве всех народов, поэтому браки между разными этносами заключались всё чаще, так как они формировались в одной культурной среде. Статистические данные свидетельствуют о том, что резкий рост числа межнациональных браков приходился именно на советские годы. Так, в СССР к концу 1980-х гг. примерно каждая шестая семья состояла из представителей различных национальностей [1]. Рост числа межнациональных браков имел определенное влияние на демографические, этнические и социальные процессы. Однако с момента распада СССР прошло 28 лет, но рост числа межнациональных браков также актуально в условиях современного общества.

В вопросе о межнациональных браках общественное мнение играет особую роль, поскольку иногда мнение родственников, друзей и т.д. оказывает влияние на выбор будущего брачного партнера.

Так, в 2010 в День Семьи, Любви и Верности, ВЦИОМ предоставил данные, которые отражают отношение населения России к межнациональным бракам. Исследование было проведено среди 1600 участников в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России [2]. Результаты ответов на некоторые вопросы отражены в диаграммах ниже:

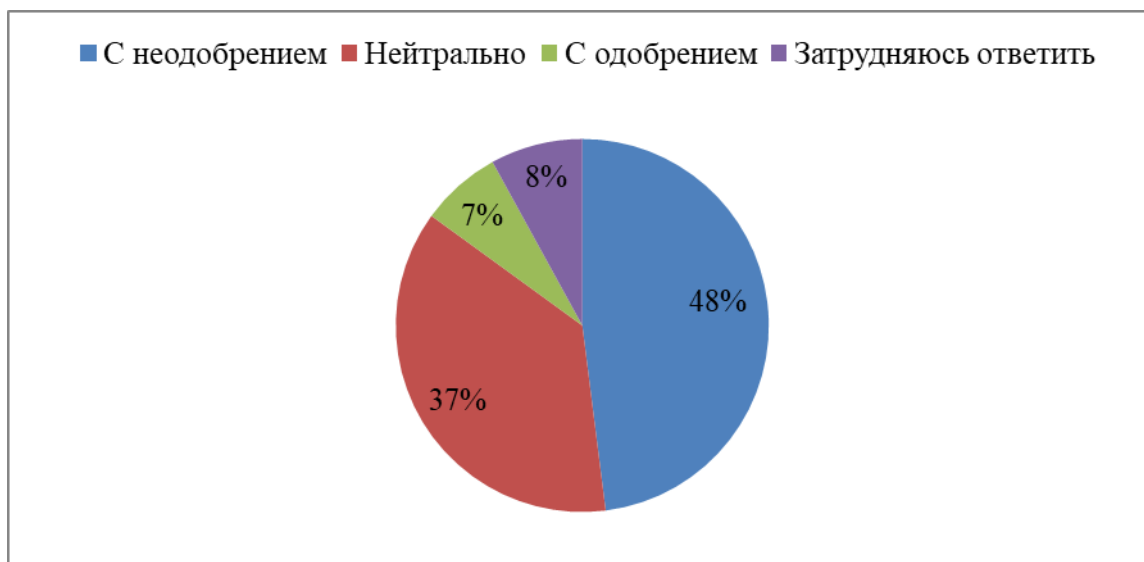

Рисунок 1 – Ответ на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Ваш близкий родственник (дочь, сын, внук) вступил в брак с человеком другой религии?»

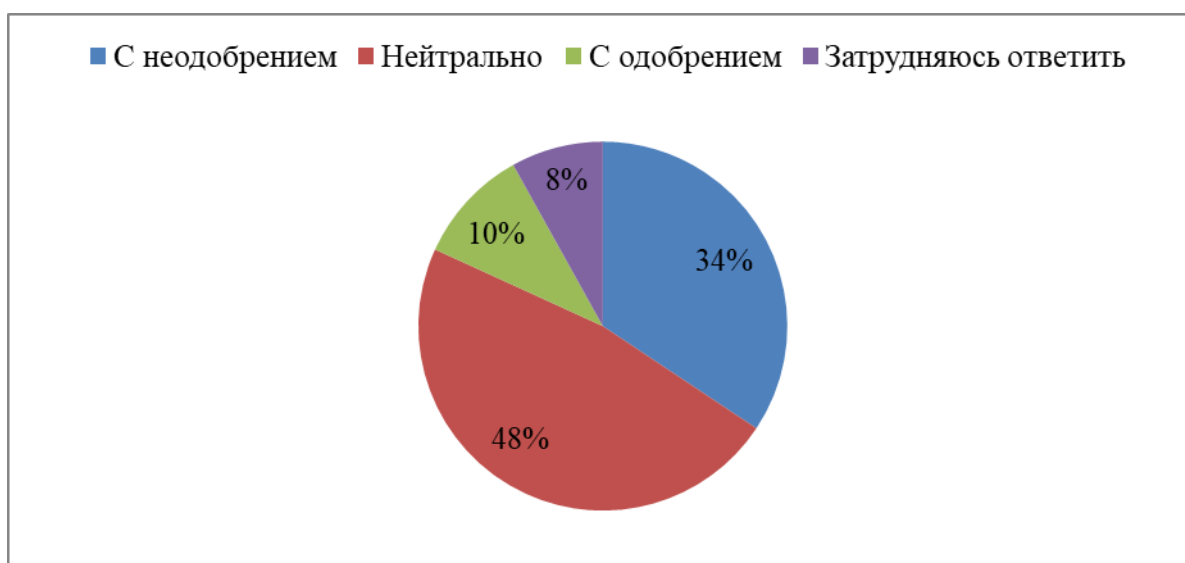

Рисунок 2 – Ответ на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Ваш близкий родственник (дочь, сын, внук) вступил в брак с человеком другой национальности?»

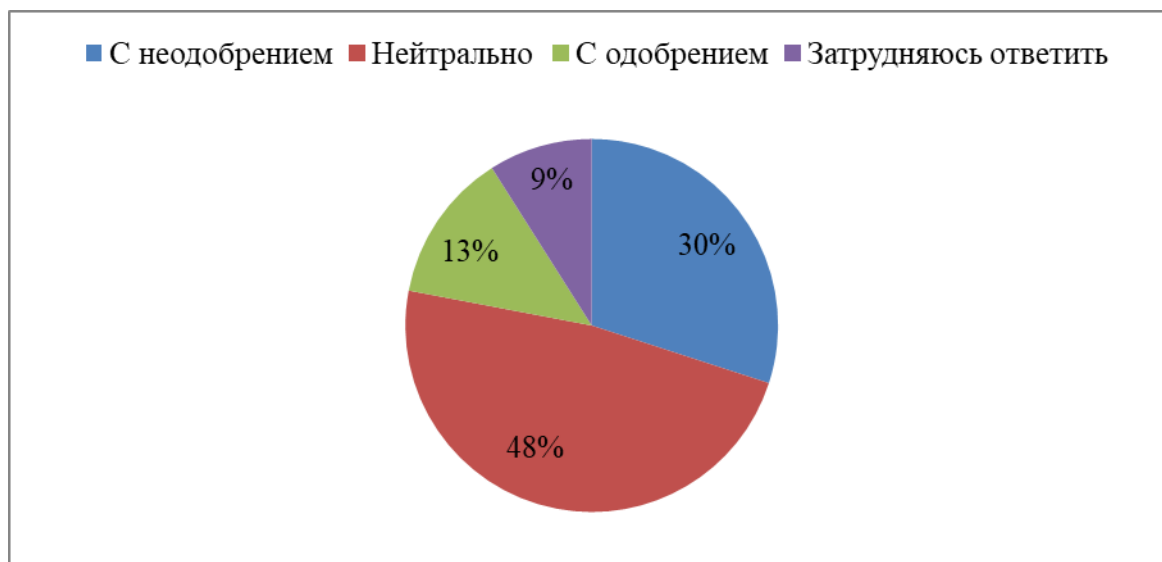

Рисунок 3 – Ответ на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Ваш близкий родственник (дочь, сын, внук) вступил в брак с человеком из другой страны?»

Анализируя ответы респондентов, мы наглядно видим, что среди форм межнациональных браков наибольшее неодобрение у респондентов вызывал бы брак, заключенный между близким родственником респондента и человеком, исповедующий другую религию (48% от всего числа опрошенных), однако, в тоже время, чуть меньше половины опрошенных придерживаются нейтральной позиции (37%). Если речь идёт об отношении населения к бракам с представителями другой национальности, то результаты опроса указывают на то, что большая часть опрошенных нейтральна к данному вопросу (48%), но всё 34% респондентов относится с неодобрением к данному браку. Наименьшее количество неодобрений среди трёх вопросов вызывают браки между представителями другой страны - 30%, однако большинство всё также придерживается нейтралитета.

Совместно с данным опросом ВЦИОМ также провёл исследование, определяющие с какими национальностями россияне склонны одобрить вступление в брак своего близкого родственника [3]. Для наглядного анализа данные опроса представлены ниже в общей таблице.

Таблица 1 «Результат опроса, проводимый ВЦИОМ, об отношении россиян к межнациональным бракам»

	С неодобрением	Нейтрально	С одобрением	Затрудняюсь ответить
Русский	2	26	70	2
Украинец или	14	45	37	5

белорус				
Латыш, литовец, эстонец	35	43	14	8
Грузин, армянин, азербайджанец	54	30	7	8
Казах, таджик, киргиз или узбек	60	27	6	7
Еврей	46	37	10	7
Чеченец	65	23	5	7
Немец, француз или англичанин	33	44	17	7
Американец	37	41	14	8
Араб	63	23	6	8

*данные указаны в %

Результаты опроса позволяют нам сделать вывод о том, что население с наибольшим одобрением относится к бракам с русскими - 70%; на второй позиции браки с украинцами или белорусами – 37%. Брак с немцами, французом или англичанином, также одобряемым населением, но в меньшей мере -17%.

С негативом и неодобрением россияне относятся к бракам с: чеченцами - 65%; арабом – 63%; казахом, таджиком, киргизом или узбеком -60%; грузин, армянин, азербайджанец – 54%, евреем- 46%. Возможно на выбор респондентов оказало влияние в различие религии, языка и ярко-выраженных этнических особенностях той или иной нации. Россияне склонны одобрить вступление в брак своего близкого родственника (родственницы), члена семьи с представителями славянских или европейских национальностей. Скорее отторжение вызывает гипотетический брак с кавказцами или арабами.

Таким образом, в Российской Федерации – это многонациональное государство, в котором такое явление как межнациональный брак всегда актуален. Межнациональные браки в России есть и будут, учитывая национальную структуру государства. В зависимости от разного исторического периода и разных социальных процессов, протекающих в обществе, формируется общественное мнение относительно межнациональных браков.

Список литературы

1. Шахбанов М.М. Отношение К Межнациональным Бракам В Этническом Сознании Дагестанцев // Социол. Исслед. 2008. №11, с.72-76
2. Что мешает гармоничному браку? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?Id=236&uid=1926>. – (дата обращения: 24.12.2019).

3. Россияне о межнациональных браках.[Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://wciom.ru/index.php?Id=236&uid=1886>. – (дата обращения: 24.12.2019).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Мухамеджанова Н.М., д-р культурологии, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Вопрос о взаимоотношении человека и общества – фундаментальный вопрос, который определяет специфику той или иной цивилизации. Что в системе «человек – общество» является главной, высшей ценностью? Ответ на данный вопрос накладывает отпечаток на все сферы общественной жизни, на все его институты, определяет особенности его функционирования и развития. С данных позиций все существовавшие в мировой истории цивилизации при всем многообразии их конкретных культурно-исторических форм можно условно разделить на два типа, различие между которыми состоит в полярности их ценностных шкал. Это антропоцентристские и системоцентристские цивилизации/культуры. В антропоцентристской модели человек, его интересы, свобода и благо, являются высшей ценностью общества. В системоцентристской модели человек – лишь средство достижения целей системы (государства, общества, идеологии), не имеющее безусловной ценности [7, с. 9].

Рассмотрим с данных позиций российскую культуру. Анализ специфических черт российской цивилизации позволяет нам сделать вывод о том, что господствующим типом социальной организации в России на всех этапах ее развития был системоцентризм, что может быть объяснено культурной разнородностью российского общества; огромными территориями, подлежащими цивилизационному освоению; необходимостью решать сложнейшие исторические задачи в мобилизационном режиме, опираясь на силу власти и принуждения и т.д. Данные факторы играли кардинальную роль в истории России и способствовали развитию в ней черт, обеспечивающих историческое выживание: авторитарная власть, централизм, коллективизм, терпение и покорность народа. Только сильная власть была способна гарантировать безопасность народа, которая стала главным приоритетом страны и в жертву которой приносилось все, включая личность (при ее молчаливом согласии).

Рискованная природная и геополитическая среда, в которой существовала в течение многих веков Россия, обусловила выбор ею «субоптимального пути» (В. Цапф), который, закрепляясь в культурном опыте народа, становился все более непреодолимым. Кроме того, отрицательное воздействие природных и геополитических факторов усугублялось «демонстрационным эффектом» (М.С. Ельчанинов) Запада, который развивался в более благоприятных условиях. Пример Запада обуславливал то обстоятельство, что проекты

модернизации в России всегда осуществлялись в среде, которая культурно была еще не готова к реализации данных проектов, а потому все проекты модернизации неизбежно приобретали догоняющий характер.

Человек рассматривался в данном случае как элемент социальной системы, не имеющий безусловной значимости, как средство достижения надличностных целей – целей системы. Подавляющая роль государства, общества, идеологии порождала такие негативные черты российской действительности, как полное и абсолютное бесправие человека, незащищенность его от произвола, отсутствие всяких прав и гарантий его жизнесуществования, отсутствие личной инициативы и ответственности. С другой стороны, неукорененность «личностного принципа» являлась серьезным тормозом преобразований во всех сферах жизни общества, поскольку свобода личности является главным условием экономического, технологического, интеллектуального и т.п. прогресса.

Поскольку сам принцип самодержавной власти был основан на неразвитости личностного начала, государство находилось в непримиримом конфликте с личностью. А следовательно, единственным источником развития в таком жестко организованном, иерархическом обществе могла быть власть, государство. Отсюда проистекает насильственный характер всех модернизаций в России, отразивших неразрешимый конфликт между потребностью обновления, которое было условием выживания страны, и традиционными установками по отношению к личности, без которой невозможно само обновление.

Этот конфликт ярко проявился уже в петровскую эпоху. «Чтобы не говорили сторонники якобы возможной медленной эволюции Московского царства, несложно сообразить, что при черепашьем ходе Россия выпала бы из истории навсегда. Не говоря уже о том, что была бы давно расчленена хищными соседями. Петр успел вскочить в набирающий скорость европейский состав буквально в последний момент. Маленьким странам еще было дано войти в европейскую систему цивилизации, но такая махина, как Россия навсегда бы осталась лишь географическим пространством», – пишет В. Кантор, ссылаясь при этом на высказывания князя Щербатова и историка Ключевского, утверждавших, что при естественной эволюции прогрессивные изменения в жизни российского общества того времени потребовали бы не менее ста лет [4, с. 90].

Модернизация, как петровская, так и все последующие, не была основана на личной инициативе, спонтанной активности рядового человека, носила неорганический характер, поскольку личность была лишена главного условия своего становления – свободы. Импульсы социальных изменений исходили не снизу, а сверху – от государства, власти.

В западном же обществе, основанном на идее частной собственности и индивидуальной инициативы, импульсы социальных изменений исходили не сверху, а снизу – от инициативы и действий индивидов. Модернизация носила

характер самоорганизации, т.е. была спонтанным процессом, она органично «выстраивалась» из антропоцентристского характера европейской культуры. Признание личностной ориентации, неповторимости духовной сущности, автономности и самоценности каждого человека не позволяет рассматривать его как средство достижения каких-либо надличностных, даже самых возвышенных целей. Эту высшую духовную санкцию личности человечество обрело в христианской вере. Признав Богоподобие человека, его ответственность за свою жизнь, христианство признало его свободу. «Вопреки всем распространенным и в христианских, и в антихристианских кругах представлениям, благая весть возвещала не ничтожество и слабость человека, а его вечное аристократическое достоинство. Это достоинство человека – и при том всякого человека в первооснове его существа (вследствие чего этот аристократизм и становится основанием – и при том единственным правомерным основанием – «демократии», т.е. всеобщности высшего достоинства человека, прирожденных прав всех людей) – определено его родством с Богом. ... Вся мораль христианства вытекает из этого нового аристократического самосознания человека; она несть, как думал Ницше, (введенный в заблуждение историческим искажением христианской веры), «мораль рабов», «восстание рабов в морали»; она вся целиком опирается, напротив, с одной стороны на аристократический принцип *po-blesse oblige*, и, с другой стороны, на напряженное чувство святости человека, как существа, имеющего богочеловеческую основу» (разрядка С.Л. Франка – Н.М.), – писал по данному поводу С.Л. Франк [9].

Аристократический пафос личности особенно ярко проявляет себя в эпоху Ренессанса, положившей начало генеральному направлению истории Европы – освобождению человека от всех сковывающих его повседневную жизнедеятельность установок и норм. «Культ человека» пронизывает все западное общество, все его слои и структуры, определяя такие характеристики западного типа личности, как достоинство, активность, независимость, свобода и ответственность, стремление к самореализации и т.д. Именно этот тип личности стал источником западной модернизации, которая носила спонтанный характер и которая была лишь составной частью и следствием реализации парадигмального христианского проекта. Модернизация основывалась на самостоятельной активности индивидов, осуществлялась как процесс самоорганизации, поддерживаемый и подкрепляемый иерархической организацией. Власть понималась как обязанность правителя, государства перед народом, осуществляемая в соответствии с принципом «общего блага».

Однако для России принятие христианства не имело подобных духовных последствий, что определялось как спецификой самого православия и отличием его от других ветвей христианства, так и теми специфическими историческими условиями, которые сопровождали «крещение Руси». Принятие христианства осуществлялось на Руси по инициативе власти, осуществлялось зачастую насильно, через преодоление сопротивления народа. Если первые христиане,

противостоящие древнеримскому языческому государству, были готовы жизнью своей доказывать правоту своей веры, то на Руси православная личность никогда не вступала в конфликт с властью, не была готова жертвовать жизнью за свои убеждения. Сама же православная Церковь, как не раз подчеркивалось разными исследователями, была подчинена власти, носила сервильный характер. Условия жизни народа определили своеобразное толкование сущности христианской религии. Для русского православия характерен перевес культа, обряда над учением и моральной стороной христианства. Уровень христианизации был поверхностным, формально-обрядовым; христианство не захватило человека целиком, в большей степени руководило религиозно-нравственным бытом, сочетаясь с языческими элементами. Таким образом, «первая модернизация» Руси, предпринятая Владимиром, также носила насильственный характер, что определило и специфику русского православия, которое Н.А. Бердяев назвал «православие без христианства», подчеркивая тем самым его внешний, формальный, синтезированный с языческой практикой и мистикой характер.

Таким образом, православие не способствовало утверждению в русской культуре аристократического принципа. Более того, характерная для православия идея коллективного спасения, по сути своей отрицала самоценность отдельной личности, подчиняя ее интересам коллектива, общества, государства. Утверждению на Руси деспотических принципов жизнеустройства и управления в значительной степени способствовало и монголо-татарское иго, приучившее народ к произволу, бесконечным поборам и грабёжам. Кроме того, как подчеркивает Н.А. Бердяев, «нам не было дано пережить радость Ренессанса, у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил» [1, с. 405]. А потому вся русская культура, за исключением творчества А.С. Пушкина, по духу своему противоположна радостному духу Ренессанса и гуманизма. На ней лежит печать величайшей скорби и жажды искупления грехов мира и спасения.

Однако необходимо, тем не менее, отметить, что антропоцентристская традиция также существовала в России. Она возникла в российском обществе в эпоху Петра, когда «через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование ...» [4, с. 92]. В дальнейшем, в послепетровскую эпоху, данная традиция была представлена русской интеллигенцией и стала более или менее заметной социальной величиной с первых десятилетий XIX века. Однако ей так и не суждено было стать доминирующей в массовом сознании, в котором всегда господствовал коллективистский культурный генотип. Более того, пройденный российской культурой до начала XX века прогресс в утверждении «личностного принципа» был практически перечеркнут событиями, последовавшими за революцией 1917 года и знаменовавшими полный и

абсолютный отказ от европейского гуманизма. Социализм как явление противоположен по своей сути антропоцентризму европейской культуры. Н.А. Бердяев, видевший в социализме проявление кризиса ренессансного гуманизма, отмечает: «Если пафос Ренессанса был подъем человеческой индивидуальности, то пафос социализма – образование нового, механистического коллектива, подчиняющего себе все, направляющего всю жизнь по своим путям, для своих целей. Возникновение такого коллектива на почве атомизированного общества означает конец Ренессанса и начало новой эпохи в жизни человеческого общества» [1, с. 393]. Социализм приводит не к развязыванию, а к связыванию творческих сил человека, закреплению человека. Подобно Э. Фромму, в социализме Н.А. Бердяев видит бегство человека от самого себя и поиск нового соединения, новой соборности, новой лжецерковности, поскольку по природе своей она нуждается в началах, над ней возвышающихся, ею руководящих.

Русская революция обнажила и усилила то, что сложилось как культурный генотип российской цивилизации: утопизм, пренебрежение к интересам личности, готовность пожертвовать миллионами жизней во имя достижения каких-либо возвышенных целей: «Что отличает русского большевика, что является его родовой, отличительной чертой? Это – абсолютно хамское, абсолютно циничное, абсолютно наплевательское отношение к такой особи, как человек. Человек в теории практике большевиков – это только песок, пыль, средство для достижения очередной завиральной идеи. Большевик, ослепленный идеей, схемой, никогда не видит реального, живого человека, его потребностей и интересов. Он не понимает, что теория, расчеты и схемы, как бы убедительны они ни были, всегда вторичны и производны по отношению к человеку» [5, с. 340-341].

Противоестественной, т.е. противной самой природе человека, реализующей себя в индивидуальных формах бытия, была и отмена в советском государстве – под лозунгами справедливости и равенства – частной собственности. Нецелесообразность и противоестественность подобного деяния И.А. Ильин обосновывает тем, что «частная собственность является той формой обладания и труда, которая наиболее благоприятствует хозяйственно-творящим силам человека» [2, с. 281], а хозяйственная деятельность есть творческий процесс, который определяет жизнеспособность государства. А потому всякие попытки заменить частную собственность принуждением никогда не станут творческой формой массовой жизни. Именно «самоизвлечение массового инстинкта из хозяйственного процесса» И.А. Ильин считал фатальным для коммунистического строя: «Безнадежно теряя «мое», масса перестает чтить «твое», т.е. все чужое; она незаметно начинает склоняться к «кулачному» или «разбойничьему» решению вопроса: «что мое – мое, а что твое – мое же» [2, с. 285]. Таким образом, по мнению И.А. Ильина, именно отсутствие частной собственности подрывало сами основы

формирования свободной и ответственной личности и создания цветущего социального хозяйства.

Определенные успехи социалистической модернизации были обусловлены тем, что своеобразным механизмом «внутренней самодетерминации» (А. Тойнби) общества выступала коммунистическая идеология, которая инициировала стремление личности к саморазвитию, самосовершенствованию, приобщение ее к культуре и образованию. Однако дискредитация этой идеи породила апатию, безразличие и пассивность во всех слоях российского общества и, как следствие, кризис самой системы. Неукорененность в культуре «личностного принципа» делает любые попытки модернизации общества, основанные на регламентирующей и контролирующей власти государства, весьма ненадежными и недолговечными. Ведь «социальный парадокс как раз в том и заключается, что чем строже власть, тем меньше охоты к работе, тем больше земля напоминает необработанный дикий угол Вселенной, где Хаос никак не может быть преодолен Космосом. Если все усилия берет на себя власть, то обычный подданный старается скрыться между стихий, стать неприметным, не вылезать с инициативой, а потому и окружающее его пространство более напоминает не цивилизованный обжитой угол земли, а место, где нога человека не ступала или где человек прячется, боясь обнаружить свои способности и финансовые возможности» [4, с. 35].

Это высказывание может быть отнесено и к современной российской социокультурной ситуации, в которой пока еще отсутствует сама культурная основа социальной модернизации – активный и самостоятельный индивид. Свобода, предоставленная личности в современной России, породила не только множество возможностей, но и множество проблем. Во-первых, она породила разгул преступности, аморализма, коррупции и т.д., которые воспринимаются личностью как растущая угроза ее собственной безопасности. Рост этих негативных явлений в российском обществе приводит к тому, что люди готовы отказаться от свободы во имя безопасности, предпочитая демократии порядок, обеспечиваемый государством. А следовательно, противоречие между ценностями свободы и необеспеченной безопасностью становится глубинным препятствием современных реформ, блокируя потенциал свободы, инициативы и независимости личности.

Во-вторых, в современной России, провозгласившей ценности свободы и демократии, личность, действительно, получает богатейший выбор возможностей, но она практически лишена возможностей выбора, которая зависит от объективных условий (в том числе, от ее материального положения), т.е. лишена объективной свободы. Являясь свободной *de jure*, она не имеет возможности стать свободной *de facto*, что становится главной причиной фрустрации личности вследствие несовпадения целей деятельности и ее результатов.

В-третьих, предоставленная личности свобода порождает в российском обществе пафос «американизма», мещанские идеалы потребительства,

обогащения, накопительства. Россия, никогда не знавшая истинной свободы, сегодня проходит через грубую полосу «Русской Америки», вызывающей самые пессимистические настроения защитников культурной самобытности России.

Таким образом, главной проблемой современной модернизации в России является проблема раскрепощения и активизации творческого потенциала личности – социального ресурса обновления и развития общества. И от решения этой проблемы зависит, прежде всего, успех проводимых сегодня реформ.

Подобное понимание роли свободной личности в социальном процессе позволяет сделать еще один вывод относительно одного из самых трагических этапов российской истории. Развал СССР во многом был обусловлен еще и тем обстоятельством, что данный тип общественного устройства с его закрытостью, жесткой иерархической структурой, предельной регламентацией и контролем за всеми сферами жизни общества перестал соответствовать набирающим силу тенденциям постиндустриальной эпохи. Информационная цивилизация возможна лишь в условиях демократического общества, поскольку предполагает свободный обмен информацией и открытость, доступность информации для каждого члена общества, инициативу личности. Потребность обновления, «догнать и перегнать» развитые страны Запада сегодня уже не может быть решена за счет частичных реформ, она требует изменения отношения к самому человеку. Не случайно «либеральная революция» (Ф. Фукуяма) 70-90-х годов, в результате которой около 30 некогда авторитарных стран мира начали переход к демократии, совпадает по времени с той датой, которой принято обозначать переход стран Запада к стадии постиндустриальной цивилизации.

Отсутствие активной и самостоятельной личности делает весьма проблематичным решение задач, связанных с формированием в России основ информационной цивилизации. Так, критикуя стратегии догоняющего развития, отечественный ученый В. Иноземцев доказывает: «Принципиальное отличие экономического и постэкономического общества заключается в том, что первое может быть построено посредством ряда организованных усилий, что подтверждается успехами СССР, Японии и азиатских стран, в то время как второе может сформироваться лишь естественным образом по мере развития составляющих его личностей; ускоренными темпами постэкономическое общество создано быть не может» [3, с. 138]. Главным источником прогресса в современном мире является внутреннее развитие личности, возможность ее самореализации, самосовершенствования, продуцирования новых знаний, технологий; а главным субъектом исторического процесса – личность, способная не только изменять мир вокруг себя, но и (что гораздо более важно) самую себя и окружающих ее людей. Именно такая свободная, самореализующаяся и саморазвивающаяся личность является важнейшим условием развития общества.

Поэтому в современном мире главной сферой общественной жизни должна стать сфера образования и воспитания человека, так как обеспечивает развитие человека, обладающего творческими способностями, без которых невозможна и деятельность по созиданию предметного мира культуры. Однако в современном мире и наука, и образование, и искусство, и другие сферы общественной жизни становятся лишь *средствами*, обеспечивающими эффективное функционирование экономики. Вследствие указанных процессов человек, бывший в течение многих веков «службой государства», становится «службой экономики», подчиненным стандартам современного «общества потребления» и массовой культуры [см. 6].

Таким образом, свобода личности является а) главным условием самореализации и самоосуществления личности; б) источником «внутренней самодетерминации» общества, от которой зависит его жизнеспособность. Поэтому нельзя не согласиться с позицией А.И. Ракитова, формулирующего интегральный критерий социального прогресса – критерий, восходящий к идеям И. Канта и Гегеля. С точки зрения философа, степень социального прогресса того или иного общества «измеряется мерой свободы, которую общество в состоянии предоставить индивиду» [8, с. 69].

Однако свобода будет фактором развития общества только в том случае, если она базируется на этических принципах, главным из которых является непричинение зла другому. Общество не может нормально функционировать и развиваться, если в нем отсутствует необходимое разнообразие, определенная доля хаоса, свободы, которая является условием адаптации системы к изменяющимся параметрам среды. С другой стороны, общество не может нормально функционировать и развиваться, если в нем не существует никаких ограничений свободы личности, поскольку отсутствие подобных ограничений ведет к деструктуризации системы. Такие ограничения свободы задаются нормами, правилами, традициями, существующими в культуре, законами, создаваемыми государством, которые выполняют роль «параметров порядка». Применительно к современной российской социокультурной ситуации – это проблема оптимального соотношения предоставляемой личности свободы и ее разумными ограничениями во имя сохранения и поддержания общественного порядка, соотношения свободы и безопасности. Поскольку необеспеченная безопасность порождает «тоску по сильной руке», чреватую утверждением тоталитарных режимов и «откатом» в непреодоленное прошлое.

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. Т.1. / Н.А. Бердяев. – М.: Искусство, 1994. – 542 с.
2. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
3. Иноземцев, В.Л. Расколота цивилизация / В.Л. Иноземцев – М.: Academia-Наука, 1999. – 724 с.

4. Кантор, В. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ) / В. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2001. – 704 с.
5. Кара-Мурза, А.А. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии / А.А. Кара–Мурза, Л.В. Поляков. – СПб: Изд-во Рус. христиан.-гуманитар. ин-та, 1999. – 439 с.
6. Мухамеджанова, Н.М. Модернизация как культурно-антропологическое понятие / Н.М. Мухамеджанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4(90). – С. 83-86.
7. Оболонский, А.В. Драма российской политической истории: система против личности / А.В. Оболонский. – М.: Юрист, 1994. – 352 с.
8. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
9. Франк, С.Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии / С.Л. Франк. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7384> (дата обращения: 09.01.2020).

К ВОПРОСУ ОНТОЛОГИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ В ЕГО СВЯЗИ С ИСТИНОЙ

Перехода М.А., Таранец К.О.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный медицинский университет»**

Знания, получаемые отражательной способностью сознания в процессе взаимодействия с миром, конечной целью предполагают поиск истины. Любая наука, на протяжении всех исторических эпох, придавала огромную значимость проблеме истинности научного знания. Данный факт неоспорим, так как модус осмысления бытия укоренен в сознании человека благодаря дуалистичности миропонимания, и стремлению приблизиться к субстанционально принципиально иному. Истина, таким образом, выступает как соответствие мысли с действительностью. Классическая концепция истинности со временем претерпевала массу изменений – прагматизм, конвенцианизм, теория когеренции, эмотивистская концепция и др. Сегодня, в связи с разработкой новой «плоской» онтологии, эпистемологии, философии науки данная проблема заявляет о себе в новом свете. В данной работе мы рассмотрим данный вопрос через призму процесса онтологизации.

Обращаясь к трудам современных ученых, мы все чаще встречаем термин «онтологизация», дефиниции которого чрезвычайно разнообразны. Научная электронная библиотека elibrary.ru вмещает уже более 1500 статей связанных с данным вопросом. Причиной этому служит развитие онтологического и гносеологического плюрализма, утверждающего полифундаментальность реальности. Согласно нашей точке зрения одним из атрибутов онтологизации является познавательная истина.

Если познание есть интенция субъекта, то вопрос об истинности всегда лежит в репрезентации субъектом своего объекта. Если объект непосредственно дан, стабилен и функционален, то субъект всегда есть субъект вписанный в рамки культуры, истории, традиции. Значит вещь, познанная нами, всего лишь конструкция? Положение объекта становится подчиненным по отношению к положению субъекта? Можно ли предположить, что объект вправе выступить в роли главного конституэнта социальной реальности? Данные положения исследует ряд современных исследователей, главным образом ученые представляющие Акторно–сетевую теорию(АСТ). В нашем исследовании мы освятим иную точку зрения принадлежащую крупнейшему философу XX века, давшему новое направление общемировой философии – Мартину Хайдеггеру.

В своих работах он осуществляет превращение познавательных методов через понимание в специфически человеческое отношение к действительности. А.В. Парибок отмечает, что Хайдеггера занимает не столько знание, сколько

истина, также акцентируя внимание на выявлении онтологической вторичности субъекта познания[1].

Хайдеггер настаивает на том, что греки понимали истину как алетейю, то есть непотаённость сущего, несокрытость. Именно несокрытость противопоставляется Хайдеггером классическому «корреспондентному» пониманию истины (то есть понимания истины как соответствия мышления и реальности).

Помимо «корреспондентного» понимания истины существует прагматический подход к ее пониманию. То есть истинным считается то, что способно принести практически полезный результат. Когерентный подход к пониманию истины заключается в том, что истиной считается то, что можно ввести в любую новую систему, не разрушив ее внутренней непротиворечивости. То есть согласованность предложений в определенной системе.

Его концепция истины является историко–философским истоком понимания истины в «гносеологии от субъекта». Он рассуждает о европейском понимании истины как правильности взгляда на вещь, правильности высказывания. То есть соответствия знаний и действительности, привычным и отходит от него.

Этот вопрос Хайдеггер рассматривает в своей работе «О сущности истины»[3]. В ней он высказывает сомнение в целесообразности вопроса о сущности истины, считая его несущественным, так как ведет нас в пустоту всеобщего. Вопрос о сущности истины требует ответа на вопрос о том, где мы находимся в на сегодняшний день, о цели, которая поставлена перед человеком и историей, так как человеку сложно уйти от обыденной истины.

Под понятием истина мы имеем в виду то, что делает истинное истинным. Истина – это действительное. Мы считаем истинным то, что правильно. Именно так мы и понимаем истинут– как согласованность, которое является достаточно двойственным: с одной стороны, совпадение вещи с тем, что о ней мыслилось раньше, и с другой стороны, совпадение мыслимого в высказывании с вещью. Исходя из этого подхода, под неистинным мы понимаем несоответствие.

Однако несокрытость представляет собой фундаментальный уровень познавательной деятельности, чем соответствие. Хайдеггер предлагает задуматься о том, как возможно соответствие, как нечто совершенно не похожее на вещь, а именно высказывание «Монета круглая», вдруг оказывается приведенным в соответствие с круглой монетой? Немецкий философ заговаривает здесь о некоем пространстве изначальной открытости, которое оказывается необходимым условием приведения в соответствие мысли и реальности. Это пространство и есть истина в более фундаментальном, онтологическом смысле. Истина как несокрытость, как принципиальная доступность сущего для взора познающего субъекта. По мысли Хайдеггера

греки понимали истину именно так, онтологически, как условие возможности, как некое позволение субъекту быть отнесенным к сущему в целом.

Чтобы понять, исходя из чего Платон определяет существо непотаенности, необходимо привести «Притчу о пещере». В работе «Учение Платона об истине» описывается разговор Сократа и Главкона. Сократ описывает пещеру, в которой, прикованные цепями, с самого детства сидят люди. Они повернуты спиной ко входу в пещеру, откуда простирается свет от огня. Между огнем и узниками простирается ширма. За этой стеной люди проносят утварь так, что узники могут видеть только тени. Некоторые из тех, кто проносят утварь разговаривают, некоторые молчат. Узники принимают за истину тени проносимых мимо предметов. Если же одного из них освободить от оков и повернуть к свету, показывать ему эту же утварь и говорить, что все, что он ранее видел – пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд. Он не в силах будет смотреть на вещи, тени которых видел раньше. Узник будет считать, что намного больше смысла и истины было в тех самых тенях, чем в том, что ему показывают теперь. А если же его вывести из пещеры на свет, его глаза будут так поражены сиянием, что он не сможет различить предметы.

Если бы этому узнику вновь пришлось бы спуститься в пещеру, его глаза, привыкшие к солнцу, плохо различали бы предметы в тени, а остальные узники будут считать, что он вернулся с испорченным от солнца зрением.

Вещи, расположенные вне пещеры – идеи или Эйдос. А все, что мы видим, слышим и ощущаем, является лишь тенью идеи.

При освобождении человека и выведении его на свет, непотаенное становится непотаеннейшим. Непотаеннейшее называется так потому, что оно заранее является во всем являющемся и делает являющееся открытым.

Спуск в пещеру и борьба с другими узниками. Это иллюстрирует то, что непотаенное должно быть похищено, вырвано у потаенности (например, утайки, охраны, маскировки). Отсылка, содержащаяся в приставке не-, указывает на то, что истина отвоевывается в споре человека с сокрытостью. Истина существует лишь в актах сопротивления лжи и обману. У греков именно непотаенность способна иметь сущностную связь с тем, что расположено вне света пещеры.

Несокрытость – это открытие бытия человеку, из которой человеку доступна более узкопонимаемая истина – истина сущего, а также истина высказывания. Важно понимать, что и сама открытость бытия, его высветленность, является одновременно и его скорытостью, темнотой. То есть она включает в себя собственное отрицание, собственное «иное». В этом и есть двойственность истины. Истина являет борьбу в себе, то есть спор, входящий в сущность вещей. Истинное располагается не по ту сторону ложного, а само принадлежит к сфере, где совершается сокрытие, сокрытость. Это означает отход от традиционного понимания истины, в котором «истинное» и

«неистинное» противопоставляются друг другу. Хайдеггер устанавливает, что для понимания существа истины надо сначала понять существо лжи.

Онтологизация – это обращение к искомому, а не создание новых форм. На наш взгляд, онтологизация – это процесс сопоставленности объекта познания с логосом его бытия, целью которого является поиск истины. Процесс онтологизации обращен на поиск истины, ибо тогда, и только тогда знание ценностно. Сама истина есть то, что себя не скрывает, не избегает явления и является неизбежным. Смысл алетейи связан со свободным и беспрепятственным раскрытием. Непотаенное также предстает и особенным образом, как потаенное и явственно сокрытое.

Список литературы

1. Парибок А.В. О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // Вопросы философии. 2018. № 11. С. ?–?
2. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост., пер. с нем. и комм. В.В. Биbihина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
3. Хайдеггер М. О сущности истины. Режим доступа: <http://heidegger.filosoff.org/wp-content/uploads/sites/115/2015/11/hajdegger-martin-o-sushchnosti-istiny-filosoff.org.pdf> [22.12.2019]

БИОМЕДИЦИНА КАК ТЕХНОНАУКА И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГУМАНИЗМА: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

**Писарчик Л.Ю., канд. филос. наук, доцент,
Недорезов В.Г., канд. филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Особенности и отличительные черты фундаментальной науки известны: она стремится к достижению истины, созданию научной теории, разработке методологии научного познания, и, наконец, к созданию объективной картины мира. Прикладная же наука стремится к другому результату – дать рецепты и предписания для производства [11, с. 178]. Считается, что ситуация, когда в науке на первый план стала выходить прикладная наука, сложилась в середине XX в. Однако В.С. Степин выдвинул другое понимание науки, согласно которому, деление наук на фундаментальные и прикладные не было особенно четким даже во время формирования современного экспериментального естествознания в XVII веке. Наука, по Степину, уже тогда представляла собой не поиск истины по преимуществу, а «технонауку» [12, с. 72-95]. В.С. Степин считает, что в Новое время одновременно возникают «технонаука» и «техногенная цивилизация» [13].

Б.Г. Юдин придерживается точки зрения, что именно особенностью современной науки является то, что она превращается в технонауку. Это в сущности симбиоз науки и технологии. «Наиболее очевидный признак технонауки, – пишет он, – это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий» [20, с. 177]. В этом развитии технонауки есть и определенный вектор, направленный на изучение человека. «В результате, – пишет Б.Г. Юдин, – происходит, если можно так выразиться, все более плотное ”обволакивание” человека, его погружение в мир, проектируемый и обустраиваемый для него наукой и технологиями» [там же, с. 178]. При этом сам человек вовлекается в этот мир как объект исследований и манипуляций, он становится проектируемым, трансформируемым человеком.

Особенности современной технонауки позволяет более обстоятельно представить акторно-сетевая теория (АСТ), разработанная Мишелем Каллоном, Бруно Латуром и Джоном Ло. По мнению создателей теории, функционирование науки можно объяснить по аналогии с функционированием любых других социальных явлений. Научные знания, по их мнению, не продуцируются таким образом, как это традиционно объясняет наука, то есть путем взаимодействия исследователей с природой, сбора фактов, их обобщения, выдвижения гипотез, постановки экспериментов и построения

научной теории, которая адекватно воспроизводит исследуемый природный объект. Наука, согласно создателям данной теории, есть не что иное, как пересечение разнообразных практик или компонентов – социальных, технических, концептуальных и текстуальных (семиотических), соединенных в единое целое. При этом в акторно-сетевой теории утверждается, что между наукой (знаниями) и технологиями (артефактами) нет разницы. Не существует различий, согласно акторно-сетевой теории, также и между природой и обществом. Кроме того, не различаются истина и ложь. Между человеком и неодушевленной природой тоже нет разницы. Все есть пересечение человеческого и «не-человеков» (non-humans). Симметричная антропология Б. Латура вызвала острую полемику в связи с тем, что Латур включает в сеть «...на равных правах цепочки-ассоциации разнородных элементов, в том числе людей и не-человеков (non-human)» [2, с. 133], – пишет В.И. Аршинов.

Наука в этом случае тоже представляет собой сеть элементов, единство разнообразных практик. Латур пишет: «Нашим вожатым является понятие перевода или сети. Это понятие – более гибкое, чем понятие ”система”, более историческое, чем понятие ”структура”, более эмпирическое, чем понятие ”сложность”, – становится нитью Ариадны для наших запутанных историй» [7]. В.И. Аршинов считает, что акторно-сетевая теория весьма продуктивна в исследовании современного общества и социальных процессов [2, с. 130].

Б. Латур отмечает, что мир науки в современном обществе заменяется миром исследований и показывает различия между ними. «Наука и исследования по-разному связаны с остальной культурой. ... Наука была окружена обществом, которое оставалось чуждым принципам научного метода: общество могло отвергать или принимать результаты науки; это может быть враждебным или дружественным по отношению к его практическим последствиям. Но не было прямой связи между научными результатами и более широким контекстом общества, который мог лишь замедлить или ускорить продвижение автономной науки» [23].

Как изменилась наука и ее положение в обществе? Латур пишет: «В последние полтора века научное развитие захватывало дух, но понимание этого прогресса резко изменилось. Он характеризуется переходом от культуры ”науки” к культуре ”исследования”. Наука – это определенность; исследование – неопределенность. Наука понимается как нечто холодное, безошибочное и беспристрастное; исследование – теплое, путаное и рискованное. Наука положила конец капризам человеческих споров; исследования создают противоречия. Наука порождает объективность, изо всех сил избегая оков идеологии, страстей и эмоций; исследования направлены на то, чтобы приблизиться к изучаемым объектам» [там же].

Технонаука отличается от классической науки еще и в том смысле, как отмечает Б. Латур, что «...исчезла вера в ”научность” науки» [8, с. 2]. И связано это с изменением функции научной лаборатории. Классическая наука научный процесс выстраивала по линии: гипотеза – эксперимент (проверка гипотезы) –

создание научной теории – практическое применение полученных знаний (создание технологий). Лаборатория в этом процессе традиционно была местом, где ведутся экспериментальные исследования. Но в современных условиях лаборатория меняет весь этот процесс, так как меняются ее функции. Лаборатория уже не является местом, где получают новые знания. «Именно лаборатории, – пишет Б.Г. Юдин, – становятся обителью прикладной науки, т.е. науки, ориентированной исключительно на создание и совершенствование технологий. Именно лаборатории выступают в качестве форпоста научно-технического прогресса» [21, с. 163].

Биомедицина сложилась на Западе, и она имеет свои особенности, которые сводятся к трем основным чертам: 1) это особая область культуры, отличающаяся от других областей; 2) ее задачи (лечение людей) и имеющееся в ней разделение труда понятно практически всем; 3) она воспроизводит себя в обществе (свои структуры и функции) через медицинское образование и традицию [10, с. 237]. Согласно Д.В. Михель, возникновение биомедицины подготовили две революции в истории медицины – «микробная» и «биотехнологическая». Д.В. Михель пишет: «...великое событие в истории медицины – *микробная революция* конца XIX в., связанная с именами Роберта Коха в Германии и Луи Пастера во Франции. Этим исследователям принадлежит заслуга в определении роли *микроорганизмов* в распространении инфекционных заболеваний, а также понимании того, какую роль играет *иммунная система* организма в предупреждении и развитии патологического процесса. Как никакая другая медицинская революция, микробная революция обусловила превращение медицины в биомедицину» [там же, с. 241]. Луи Пастер в свое время изучал в лаборатории микроорганизмы, вызывающие сибирскую язву у домашнего скота и изобрел искусственную вакцинацию. В результате этих работ сложилась новая ситуация, когда возникают новые связи и манипуляции с новыми объектами. Б. Латур пишет: «Одновременно с культивацией в лабораториях огромного количества микробов в чистом виде и многочисленными попытками воздействовать на их рост и деятельность, развивается новое практическое ноу-хау. Спустя несколько лет экспериментаторы приобретают навыки манипулирования множеством ранее неизвестных материалов» [8, с. 8]. Возникло новое состояние не только науки, но и общества, по мнению Латюра, так как отныне все были заинтересованы в лабораторных исследованиях и результатах лабораторных экспериментов, о которых раньше никто не слышал и к этому не имел никакого отношения [там же, с. 9]. Б. Латур называет эти новые общественные и научные связи и манипуляции *сетями*. Он считает, что ученые «...будут делать все от них зависящее, чтобы распространить повсюду некоторые из условий, способствующих воспроизведению благоприятных лабораторных практик. Поскольку научные факты производятся внутри лабораторий, то для обеспечения их свободного распространения необходимо создать дорогостоящие сети, внутри которых будет поддерживаться их хрупкая

эффективность. *Если это значит превратить общество в большую лабораторию, то так оно и будет»* [там же, с. 27-28].

Согласно Латуру, несколько человек, составляющих персонал лаборатории, способны сделать такие открытия и сделать такие вещи, которые могут изменить образ жизни огромного количества людей. «Неважно, – пишет Б. Латур, – являются ли они экономистами, физиками, географами, эпидемиологами, бухгалтерами или микробиологами, все они рассматривают объекты в таком масштабе (на картах, экономических моделях, фигурах, таблицах, диаграммах), что обретают силу, достигают неопровержимых выводов, а затем распространяют на более крупный масштаб те заключения, которые представляются им правильными. ... ”Дайте мне лабораторию, и я сдвину общество”, – говорю я, пародируя Архимеда. Теперь мы знаем, почему лаборатория является таким хорошим рычагом» [там же, с. 28-29].

Второй революцией, подготовившей возникновение биомедицины, является биотехнологическая. О биотехнологической революции, произошедшей в середине XX века, Д.В. Михель пишет следующим образом: «Последняя в цепочке великих событий, приведших к утверждению биомедицины, *биотехнологическая революция*. ... Ее порождением стали не только новые знания, но и совершенно новые способы воздействия на биологию человека – *биомедицинские технологии*. Новизна предлагаемого ей подхода состоит в том, чтобы воздействовать на человека не столько на уровне тела, сколько на более фундаментальном уровне – на уровне клетки, гена, биомолекулы. Кроме того, ее следствием стало представлением о том, что человеческая природа более не является неизменной, но ее можно изменять в любом направлении» [10, с. 241].

В последние десятилетия имеется тенденция к формированию нового, технократического образа человека, складывающегося в рамках трансгуманизма, который возник в связи с развитием новых научных технологий. Дж. Хаксли ввел термин «трансгуманизм» и понимал данное явление как новую форму человеческого существования [22, р. 17]. Теперь ситуация изменилась. Теоретики трансгуманизма пишут о принципиальном несовершенстве телесной организации человека и его слабых интеллектуальных функциях, которые необходимо усилить. «Н. Бостром считает, что фундаментальной предпосылкой трансгуманизма ... является стремление преодолеть онтологическую ограниченность существования, а именно – смерть» [1, с. 103]. Человечество существует, согласно Н. Бострому, не на вершине эволюции, а в своей «ранней фазе», что, по его мнению, хорошо показал Ч. Дарвин. «В основе логики трансгуманистов лежит предположение, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, а, скорее, ее началом» [6, с. 107]. Кроме того, Н. Бостром и Р. Курцвейл рассматривают разум в человеке как его фундаментальную характеристику, но при этом весьма скептически относятся к телесной «оболочке» человека и считают ее временной формой для интеллекта. Они полагают, что будет разработана более

совершенная форма на небологическом носителе. При этом еще имеется в виду идея сингулярности. «Сингулярность (технологическая сингулярность) – это апокалиптическая идея, изначально предложенная Джоном фон Нейманом, одним из создателей цифровых вычислений, и разъясненная Вернером Винджем и Рэем Курцвейлом. Существует множество ее интерпретаций, но суть можно свести к следующему. В процессе развития компьютерных технологий возможности машинного разума будут возрастать вплоть до реперной точки, когда сверхразумный техноинтеллект не только превзойдет возможности человеческого, но и станет способным создавать свои копии, более совершенные, чем оригинал, в некоторых случаях интегрированные с человеком» [там же, с. 105-106]. В.А. Емелин справедливо отмечает: «Ловушка трансгуманизма как раз и таится в интерпретации технологической сингулярности в качестве начала нового отсчета человеческой истории...» [там же, с. 107].

Ф. Фукуяма, как активный противник трансгуманизма, характеризует это направление как наиболее опасную в истории человечества идею [19]. Тем более, что сегодня речь идет о NBIC-технологической конвергенции (N – нанотехнологии, B – биотехнологии, I – информационные технологии, C – когнитивные науки). Данный термин введен основателями одноименного проекта М. Роко и У. Бейнбриджем для обозначения процессов, идущих в современной науке. NBIC-технологии позволят, согласно Роко и Бейнбриджу, выйти на решение множества проблем: создать новые материалы, биологические продукты и машины на основе нанотехнологий; «усовершенствовать» человека; создать быстрые интерфейсы (каналы связи мозга и различных механизмов); применить встроенные компьютеры; на основе генной инженерии создать механизмы, препятствующие старению человека и т.д. [10, с. 130-132]. Каждая из названных научно-технических областей (или NBIC-технологий), согласно Роко и Бейнбриджу, «...может внести большой вклад в развитие человеческих способностей, в решение насущных проблем, с которыми сталкивается наше общество в XXI веке, и в расширение человеческих знаний о нашем виде и мире, в котором мы живем» [24, р. 4].

В России тоже обратились к идеям трансгуманизма, возникло Движение «Россия 2045», которое организовало в Москве и Нью-Йорке международные конгрессы, посвященные вопросам трансгуманизма. Состоялась также Всероссийская конференция «Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты» в 2013 г. в Белгороде. На этих форумах поставлены задачи по созданию постчеловека на основе NBIC-технологий, разрабатывается проект «Аватар» (создание бессмертного киборга), рассматривается возможность создания искусственного тела человека и достижения кибернетического бессмертия [3, с. 4]. «Трансгуманистическая эволюция – это переход к эволюции кибернетической, которая будет набирать всё большие обороты и должна привести к радикальному продлению жизни вплоть до такого состояния, которое именуют

кибернетическим бессмертием» [5, с. 196], – пишет Д.И. Дубровский. В. Турчин и К. Джослин отмечают в «Кибернетическом манифесте», что преобразование сознания и человеческой телесности будут идти именно в направлении достижения бессмертия [14].

Сегодня природа по-прежнему испытывает воздействие человека и его научно-технической мощи. Но теперь и сам человек превратился в объект пристального научного исследования и всевозможных манипуляций. Е.Н. Гнатик пишет: «Судя по всему, мы являемся свидетелями наступления кардинально нового этапа научно-технического прогресса, не имеющего исторических аналогов по степени влияния на человеческую цивилизацию» [4, с. 184]. Таким образом, человек сегодня все чаще является испытуемым в многочисленных экспериментах. И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин поставили проблему разработки этики науки еще в 70-х – 80-х годах прошлого века и предложили множество эффективных подходов к организации контроля и экспертизы в ходе исследования человека [см.: 15; 16; 17; 18]. Прогресс науки и техники осуществляется в интересах человека, но парадокс состоит в том, что сегодня возникает еще более настоятельная необходимость защитить человека «...от негативных последствий того же самого прогресса» [20, с. 183], – отмечает Б.Г. Юдин. «Путем решения этой проблемы стало формирование социальных институтов этического сопровождения биомедицинских исследований. Сегодня уже общепринятой нормой стал этический контроль *всех* исследований такого рода. Иными словами, в современной научной практике действуют достаточно разработанные механизмы этического контроля исследований» [там же]. Существует, согласно Б.Г. Юдину, три механизма такого контроля: 1) информированное согласие, на которое имеет право каждый испытуемый; 2) публикации о результатах проведенных исследований; 3) одобрение заявки на проведение научных исследований этическим комитетом [там же, с. 183-184]. То есть качественно новая наука XXI века (технонаука) в применении к исследованиям человека вызвала к жизни совершенно новое отношение научного сообщества к ценностной проблематике, а именно ценностное измерение науки становится неотъемлемой ее чертой. Этические нормы непосредственно влияют на ход научного познания, и это веление времени, так как «...требования, задаваемые этикой, оказываются в числе действенных предпосылок научного познания..., иными словами, связь между этикой и наукой не только возможна, но и вполне реальна» [там же, с. 184].

В современной науке идут бурные дискуссии по проблемам трансгуманизма и NBIC-технологий. Важно понять, что несут новые открытия человеку, не только его телесности (хотя это тоже принципиально важно), но и духовности, его смысловому существованию. Создать сложные машины в помощь человеку имеет смысл, а вместо человека – зачем? Неужели человек себя исчерпал как разумное и творческое существо и должен сойти с исторической сцены? В это невозможно поверить.

Список литературы

1. Аникин, Д.А. Трансгуманизм как альтернативный проект социальной памяти / Д.А. Аникин // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 96-106.
2. Аршинов, В.И. Луман и Латур: возможности конвергенции системного и сетевого подходов / В.И. Аршинов // Философские науки. – 2016. – № 10. С. 130-139.
3. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 352 с.
4. Гнатик, Е.Н. Совершенствование человека: тенденции и ориентиры образования в эпоху прогресса науки / Е.Н. Гнатик // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / под ред. Г.Л. Белкиной. М.: Ленанд, 2016. С. 184-193.
5. Дубровский, Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее / Д.И. Дубровский // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 188-199.
6. Емелин, В.А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? / В.А. Емелин [Электронный ресурс] // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 103–115. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps23_1/103_115.pdf (дата обращения: 23.08.2019)
7. Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур [Электронный ресурс]. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – Режим доступа: https://royallib.com/read/latur_bruno/novogo_vremeni_ne_bilo_esse_po_simmetrichnoy_antropologii.html#225420 (дата обращения: 5.01.2020)
8. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур [Электронный ресурс] // Логос. – 2002. – № 5-6 (35). – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf> (дата обращения: 15.08.2019)
9. Мартинкус, П.П. Парадоксы научной революции и конвергентные технологии / П.П. Мартинкус // Глобальное будущее 2045: Антропологический

кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 124-133.

10. Михель, Д.В. Биомедицина как культурная система: краткий обзор медико-антропологических представлений / Д.В. Михель // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 236-243.

11. Пружинин, Б.И. Фундаментальная наука и прикладное исследование (к вопросу о социокультурных функциях знания) / Б.И. Пружинин // Наука в культуре / под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 169-184.

12. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

13. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. С. 3-18.

14. Турчин, В. Кибернетический манифест / В. Турчин, К. Джослин [Электронный ресурс] // Турчин В.Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. – М.: Изд-во ЭТС, 2000. С. 354-361. – Режим доступа: https://royallib.com/read/fyodorovich_turchin/fenomen_nauki_kiberneticheskiy_pod_hod_k_evolyutsii.html#1282280 (дата обращения: 7.01.2020)

15. Фролов, И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. – М.: Издательство политической литературы, 1979. 336 с.

16. Фролов, И.Т. Философия и история генетики: поиски и дискуссии / И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1988. 416 с.

17. Фролов, И.Т. О человеке и гуманизме / И.Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1989. 558 с.

18. Фролов, И.Т. Этика науки: Поиски и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. 400 с.

19. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма [Электронный ресурс]. – М.: АСТ, 2004. – Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/nashe-postchelovecheskoe-budushee-posledstviya-biotehnologicheskoy-revolyucii.html?p=5> (дата обращения: 20.08.2019)

20. Юдин, Б.Г. Наука в обществе знаний / Б.Г. Юдин // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 174-185.

21. Юдин, Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям / Б.Г. Юдин // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П.Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 159-173.

22. Huxley, J. Transhumanism [Electronic resource] // Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. P. 13-17. URL: <https://archive.org/details/NewBottlesForNewWine/page/n5> (date of reference: 23.08.2019)

23. Latour, B. From the World of Science to the World of Research [Electronic resource] // Science. 1998. Vol. 280. No 5361. Issue of 10 April. P. 208. URL: <https://science.sciencemag.org/content/280/5361/208.full> (date of reference: 15.08.2019)

24. Converging Technologies for Improving Human Performance [Electronic resource] / Ed. M.C. Roco and W.S. Bainbridge. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. 468 p. URL: https://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (date of reference: 6.01.2020).

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ФОРМ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК РАЗВИТИЕМ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Суворов Н.А., аспирант

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Практика выступает одним из ключевых понятий современной философии. Варианты его трактовок различны, что обусловлено широким диапазоном смыслов, вкладываемых в данный термин. В наиболее широком смысле под практикой понимают любую активность, проявляемую субъектом. Однако такой подход является недостаточно конкретным и не отражает всех оттенков понятия.

Выделение разновидностей практик чаще всего связано с соотношением материального и идеального. Приоритет первого подразумевает деятельность человека на производстве, в торговле, в быту, в сфере информационных технологий, социальное управление и т.п. Это позволяет говорить о материальной, бытовой и управленческой практиках, которые в первую очередь направлены на преобразование внешнего по отношению к человеку мира.

Обращаясь к истории вопроса, духовные практики можно отнести к разным направлениям – утилитарным, эзотерическим и религиозным. В связи с этим важным представляется проблема генезиса духовных практик, многие из которых зародились в лоне религиозного мировоззрения. Известно, что основу первобытной культуры в значительной степени составляли различные ранние религиозные формы, т.е. некие представления о сверхъестественном, где имели место связанные с этими верованиями ритуалы и практики [1].

Наиболее древним способом понимания мира был миф, характеризующийся чувственно-образными представлениями о происхождении и устройстве сущего, всех явлений и процессов вокруг человека. Мифотворчество было самой ранней формой объяснения мира древним человеком. Анализируя это, К. Г. Юнг отмечает, что «первобытный человек не более логичен или аналогичен, чем мы. Просто он думает и живет, исходя из совсем других представлений по сравнению с нами» [10, с.160]. Для носителя мифологического сознания миф выступал в качестве бесспорной реальности, был результатом осмысления мира предшествующими поколениями предков.

Мифологическая система мировоззрения исходила из идеи одушевления мира, наделения человеческими качествами природных явлений. Задачу овладения одушевлёнными силами природы в первобытном обществе выполнял шаман. Шаманизм до сих пор существует в сфере культуры многих народов. Неким посредником между людьми и духами обычно является шаман. Характерно, что его контакт с духами происходит в период транса или экстаза.

Характеризуя данный социальный статус в первобытном обществе, К. Г. Юнг отмечает, что шаман «своим знанием и своим искусством должен объяснять все неслыханное и ему противостоять. Он является ученым и вместе с тем архивариусом научных традиций племени, экспертом случая» [10, с.160].

Как отмечает Е. А. Торчинов, несмотря на большое количество исследований, критерии отнесения того или иного религиозного феномена к шаманизму точно не определены и не ясны, тем не менее один из его аспектов (согласно критерию М. Элиаде) представляет собой архаичную технику экстаза, примитивную психотехнику [6].

К древнейшим формам ритуальной практики античного мира можно отнести и мистериальные культы. Мистериями называли ритуальные действия, доступные только посвященным. Посвященный в мистерии очищался и подготавливался к переходу в иной мир. Многодневные ритуалы включали в себя очистительные омовения, пост, торжественные шествия, жертвоприношения, танцы. По словам Платона, лишь посвященные в эти мистерии блаженствуют после смерти [4].

Если в эпоху Античности культивировалось искусство заботы о себе, включавшее кроме самопознания и специфические телесные практики, то в христианстве оно было преобразовано в заботу о душе, в рамках которой упор делался на аскетические практики. Пример тому – исихазм, который возникает в среде монашества как духовно-телесное практическое делание. Зарождение исихазма тесно связано с представлениями св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского. В результате было сформулировано учение о так называемых нетварных энергиях и учение об отношении Бога к Миру. Согласно представлениям Паламы, «Бог вне своей сущности» есть «нетварная» энергия, исходящая в мир, творящая и оживотворяющая его. В одном из своих творений («Физические главы») Григорий Палама рассматривает духовные практики как «физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама» [5].

В исихазме были выработаны своеобразные психосоматические способы концентрации внимания, положения тела при молитве, способы дыхания и т.д. Тело человека в существе своем воспринималось исихастами не как злое начало, но как творение Божье и храм живущего в нем Духа, и не считалось предосудительным, но, наоборот, вполне естественным пользоваться им как вспомогательным средством при совершении «умной молитвы». Одним из основных аскетических действий в практике исихазма являлось «восхождение ума к Богу и непосредственная беседа с Ним», и мыслилась всей православной мистикой на всем протяжении ее истории целью и сущностным содержанием духовной и невещественной молитвы [3].

Стоит отметить, что разработка телесно-ориентированной психотехники, нацеленной на формирование эзотерического сознания, вовсе не ограничивается только христианством. Яркие примеры мистического опыта имели место и в духовных практиках Востока.

Тибетский буддизм и тибетская медицинская наука видят любое творение совершенным лишь в момент его создания, непосредственно вслед за образованием совершенной формы, следует необходимость поддержания гармонии, поскольку хорошее здоровье заключается в гармонии всех элементов. Западная традиция стремится «понять и познать», во главу угла ставит человеческую личность с её притязаниями, восточная же стремится «накопить и передать», поскольку в восточных философских системах личность никогда не рассматривалась как «чистая доска», только как ежесекундное порождение Вселенной, наделённое всеми её потенциями.

Таким образом, в культурах, имеющих в основании принцип космоцентризма, дух был не отделим от материи, человек рассматривался как единица Универсума, а его здоровье рассматривалось как состояние вселенской гармонии с Природой и Космосом, следовательно, болезнь – это дисгармония и исправить её можно только посредством восстановления телесного, душевного и духовного здоровья, возродив и исправив утраченное единство.

В отличие от восточных духовных практик, средневековое христианское мировоззрение строится на совершенно иных принципах. Теоцентризм, сместивший античный космоцентризм, имеет иные мировоззренческие установки: он иначе относится к феномену здоровья и средствам его достижения: за основу принят принцип духовного добролюбия, относящийся к трансцендентному началу исключительно посредством веры. На смену доктрине освобождения приходит понятие спасения: человек не способен себя освободить, его может спасти только Бог, а для спасения важны величие духа, человеческое достоинство и вера. Н.А. Бердяев видел спасение в наступлении эпохи Святого Духа: «Божественная мистерия Жизни и есть мистерия Троичности. Бытие было бы в состоянии нераскрытости и безразличия, если был бы один» [2]. Ницше в своих работах высказал протест онтологическому дуализму, единство мира неразделимо и сама жизнь создаёт эту целостность, его слова «Бог мёртв» означают, по мысли М. Хайдеггера, что «сверхчувственный мир лишился своей действительной силы. Он не подаёт уже жизнь. Пришёл конец метафизике» [9]. Трансцендентный мир, не отражающий мир человека, согласно философу, лишь выдумка метафизиков: есть только натура, с её настоящей и пластичной телесностью.

Для индо-буддийского учения отрицание бога вполне приемлемо и ведомо, но для него неведомо отрицание Истины, путей приближения к которой великое множество: столько же, сколько есть людей на Земле, но чтобы познать Истину, нужно слиться с «космическим законом», не только осмыслить, но и пережить единение с миром, проникнуть в ритм Вселенной, пропустить сквозь себя. Патриарх китайского чань-буддизма Линь Цзи считал, что за бледной плотью человека скрывается истинный человек, который входит и выходит через органы чувств, его только следует найти в себе. Для этого нужно очистить своё сознание и своё тело, что доступно каждому человеку – это смирение, мудрость, каждодневный труд, сила воли.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают духовные практики, зародившиеся на территории Индии. Различные школы йоги, возникшие в недрах индуизма, предлагают широкий спектр отшлифованных поколениями методов медитации, которые в различных комбинациях включают голодание, физические позы (асаны), жесты (мудры) и умственное сосредоточение. Важной частью йогической традиции являются дыхательная гимнастика и использование священных песнопений (киртан и бхаджан), повторение благоприятных счастливых слогов, фраз (мантр). В рамках индуизма развивалось особое эзотерическое течение – тантризм. Тантра – сбалансированный комплекс духовно-телесных практик, включающих сложные геометрические схемы (янтры), мандалы, мундры, мантры, асаны и дыхательную гимнастику. Основным аспектом тантрической техники является то, что она основана на духовном видении всего бытия и всеобъемлющем научном представлении о мире.

В эпоху брахманизма возникают различные системы психопрактической деятельности (аскетизм, йога), направленные на трансформацию сознания и накопление в организме практикующего особой внутренней силы. Успешная практика йоги приводит к уничтожению ментальных различий, а сознание преобразуется в чистую мудрость. Тем самым обретается состояние нирваны.

В целом восточное мировоззрение издревле и на протяжении всего развития содержит в себе признание значимости важнейшей роли духовности и телесности человека, которые находятся в его жизни в самых разных отношениях. Это мировоззрение ориентирует не только на сознательное ценностное отношение к своему телу, но и на серьезную основательную «работу» с телом.

В буддизме, наряду с основными занятиями монахов, следует выделить созерцательные (медитативные) практики. Последние подразделялись на три основные группы: развитие внимательности, развитии сосредоточенности (самадхи) и развитие мудрости (праджня). Развивая внимание, буддист сосредотачивается на тех или иных объектах, включая собственное тело и дыхание, и учится полностью контролировать все свои чувственные побуждения.

В контексте данного исследования заслуживает внимания и такое философское направление в исламе, как суфизм. Знакомство с этим направлением стало возможным благодаря изучению письменных памятников, в которых нашла отражение практика суфийских орденов. Несмотря на то, что суфизм развивался внутри ислама, по сути, он вобрал в себя значительный опыт аскетической и мистической практики и философии восточного христианства. Кроме того, на его формирование существенное влияние оказали пифагорейские идеи и персидский зороастризм. В итоге получился мусульманский мистицизм, который трансформировался во внутреннюю доктрину ислама, тайну, лежащую в основе Корана. Основа суфизма – это освобождение от своего «Я» и соединение с Богом. Известный теоретик

этического мистицизма Абу Хамид аль-Газали писал, что все, что ценно для суфиев, постигается непосредственно на собственном опыте, через экстаз и внутреннюю трансформацию. Основоположников суфизма интересовала в первую очередь духовно-телесная практика, а не теософское теоретизирование. Поэтому они придавали особое значение мистическим упражнениям и аскетической практике [7].

Современные исследования выделяют ряд проблем, которые могут возникнуть при построении системы духовных упражнений для современного человека и попытке их реализации в современном обществе. Прежде всего, это дробность и динамичность современного ритма жизни. Выполнение духовных упражнений рассчитано на пребывание в спокойствии и сосредоточении, ориентацию на целостность и схватывание себя в мире, а мира в себе – в единстве. На понятийном уровне несложно обосновать возможность самоизменения, создать примерную схему, по которой человек его осуществляет, и описать занятия духовными упражнениями. Но на уровне повседневной жизни практикование духовных упражнений составляет проблему.

Еще один из вопросов – это разный уровень практик и упражнений. У М. Фуко упоминается, что философы в римский период античности разделяли упражнения для самих философов и для «среднего человека». Очевидно, что это было объективно необходимое разделение. Невозможно требовать одной и той же глубины, напряжения, возвышения сознания от всех людей, невозможно это требовать от тех, кто к этому не подготовлен. Но, учитывая актуальность самопознания для любого человека, необходима разработка практик разного уровня [8].

Подводя итог, стоит отметить, что духовные практики не только никогда не выпадали из поля зрения философии, в том числе и новоевропейской, но, напротив, были постоянной и часто главной её темой. Что уж говорить о прочих, если сам первооткрыватель универсального метода, вернувшийся, по словам Гегеля, философию из долгих странствий к родным берегам, своим основополагающим жестом «я мыслю, я существую» установил новую философию на старом, еще платоновском «искусстве обращения».

Но если не в практиках самих по себе дело, то в чём? Очевидно, все-таки, в том, как они понимаются. Очевидно также, что понимались они в разные времена по-разному, потому что и были разными. И, пожалуй, мы вправе предположить, что разница времён (эпох, культур, субкультур) как раз и зависит от того, как преимущественно «приходят (приходили) в себя» и «становятся (становились) собой» люди в то или иное время на той или иной территории, а также от того, в какой степени эти практики были унифицированы, ритуализованы, предписаны культурным кодом и как, собственно, понимаются (понимались).

Исторически духовные упражнения были сосредоточением теоретического и практического: знаний, умозаключений, действий, общения и

т.д. Они объединяли в себе знания о космосе, устройстве его и человеческого общества, морали, телесном и духовном здоровье и том, как его достичь. Чтобы воспользоваться объединяющей и преобразующей силой духовных упражнений, философам необходимо выйти за пределы философии. Основы духовности и духовной практики происходят из первобытного синкретизма мифологии, в наиболее развитой форме они проявили себя в шаманизме древности. Постепенное усложнение мировоззрения, формирование религиозного понимания мира порождают такие более развитые формы как медитация и молитва. Это – древние виды духовной практики, которые выступили в качестве «ступеней» длительного пути познания мира и человека и, в том или ином виде, сохранились до сих пор.

Есть необходимость в философском осмыслении новых практик, которые возникают из симбиоза западного мышления и восточных учений с использованием элементов из монашеского образа жизни, буддизма, даосизма и других течений. Традиция духовных упражнений органична образу мысли современного человека. Внимание, которое всегда уделялось диалогу, другому, учителю-наставнику, дневниковым записям-заметкам, разговору-исповеди между друзьями в нашей культуре, позволяет думать о том, что эта практика будет эффективной и сможет быть воспринятой. Таким образом, рассмотрение вопроса о применении духовных практик, сложившихся в древности, получает все большее распространение в наше время и обещает быть результативным.

Список литературы

1. Адо, П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с франц. В. А. Воробьева. – М., СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 288 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. / Н.А. Бердяев – М.: Республика, 1994. – 480 с.
3. Игумен Петр (Пиголь). Исихазм – путь к обожению // Философские науки. № 2. 2005.
4. Поршнева, В.П. Мусей в культурном наследии античности. Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. / В.П. Поршнева – СПб.: СПб ГУКИ, 2006. – 296 с.
5. Св. Григорий Палама. Главы физические, богословские, нравственные и практические: РС, I. 150, со1. 1169.
6. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. Изд-е 4-е. / Е.А. Торчинов – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2005. – 544 с.
7. Файзуллин А.Ф. Духовное и телесное здоровье человека в контексте философских концепций Запада и Востока // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 10-1 (64). С. 105-107.

8. Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году / пер. с франц. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
9. Хайдеггер М. Ницше и пустота / Мартин Хайдеггер; [сост. О.В. Селин]. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 304 с.
10. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. / К.Г. Юнг – М.: Прогресс, 1994. – С. 160.

ДИСЦИПЛИНА «СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ И БЮРОКРАТИИ» В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА (ФГОС ВО)

Хамидуллин Н.Р., канд. полит. наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Современная Россия подвержена социально-политическим и экономическим изменениям, отражающиеся как на благосостоянии граждан и их безопасности, так и на политической стабильности. Качество и уровень жизни населения, демографические показатели и многое другое, по сей день, актуальны, и требуют безотлагательных решений со стороны органов власти всех уровней (федерального, регионального и местного). Легитимность власти целиком и полностью зависит от степени социальной справедливости в отношении населения страны. Важно осуществить переход к качественно новому результату в решении жизненно важных проблем нашего общества. Как никогда востребованы социальные проекты и программы, а вместе с тем и степень их внедрения в повсеместную жизнь, поскольку лишь только тогда осуществится процесс удовлетворения интересов и потребностей людей.

В России формируется гражданское общество, перспективы развития государства во многом зависят от осознания гражданами социально-политических явлений и процессов, характеризующих политическую жизнь. В этих условиях существенно повысилась роль социологического знания, позволяющего системно изучить и обосновать принципы взаимодействия между различными субъектами власти и бюрократическим аппаратом в целом.

Социология власти и бюрократии относительно молодая дисциплина, которая рассматривает ценностно-ориентированные основания взаимодействия человека, социальных групп, организаций и социально-политических институтов в оппозиции «политика-власть-бюрократия», при этом властвующий субъект как выразитель той или иной политической элиты, характеризует универсальные и специфичные компоненты в строении политической культуры общества.

Она взаимосвязана с рядом других дисциплин социально-гуманитарного знания, такими как социология политики, право, общая социология, философия, социология безопасности, социология международных отношений и другими. Прикладные аспекты рассматриваемых дисциплин дополняют и расширяют основные категории социологии власти и бюрократии, обеспечивают детальный социологический анализ механизма власти и практической деятельности бюрократического аппарата.

Дисциплина «Социология власти и бюрократии» способствует формированию у студентов системных знаний о природе власти и бюрократии, позволяет приобщаться к ценностям политической культуры, определяет

возможности социальной адаптации и успешной социализации в системе общественных отношений. В результате делается осознанный политический выбор, и отстаиваются те или иные социальные и политические позиции.

Дисциплину «Социология власти и бюрократии» условно можно разделить на две взаимосвязанные и взаимообусловленные части научного знания: социология власти и социология бюрократии.

Власть – это многоаспектное понятие, связанное с возникновением человеческого общества, и как следствие определяющие его жизнеспособность и функционирование. Она регулирует взаимоотношения между людьми, социально-политическими институтами, определяет содержание политики и основы государственного устройства. Если вести речь об отсутствии власти, то это есть «безвластие», которое порождает хаос, где рушатся социальные связи, дестабилизируется политическая стабильность всего общества. Например, что-то характерное было в нашей стране в 90-е годы прошедшего столетия.

В научной литературе существует множество точек зрения относительно сущности власти, её источников, средств и механизмов осуществления. Политологический подход определяет власть как асимметричное социальное отношение, выражающее способность и возможность осуществлять кем-либо свою волю, подчиняя этому деятельность, поведение других людей с помощью какого-либо источника власти для достижения собственных целей [5].

Власть придаёт жизненный импульс политике и обществу, приводит их в действие. Политика, воспринятая обществом с опорой на власть, формирует политическую жизнь страны, создает политическую культуру общества. В демократическом обществе государственная власть, как правило, обладает авторитетом со стороны граждан. Она фиксируется в законах, постановлениях, распоряжениях, указах, приказах, предписаниях и т.д.

Государственная власть выполняет важные для общества функции, к числу которых можно отнести: организационные, регулятивные, прогностические и контрольные, проявляющиеся в социально-политической жизни общества в самых разных видах деятельности:

- в управлении различными сферами социального производства и воспроизводства;
- в определении стратегических целей и принятии политических решений в интересах населения страны;
- в поддержании функциональных способностей основных сфер общественного производства;
- в сохранении территориальной целостности и единства общества;
- в обеспечении суверенитета государства и верховенства закона;
- в осуществлении международной политической деятельности и создании условий безопасности общества;
- в смирении внутренних оппозиционных политических сил и недопущении вмешательства внешних сил во внутреннюю политику государства и др.[6, с. 131-133].

Термин «власть» находит своё отражение в Конституции России, судебной практике и других нормах права. Например, в ч. 1 ст. 3 Конституции РФ говорится, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [3, с. 32]. Под действием власти общественные отношения становятся целенаправленными, приобретают характер управляемых и контролируемых связей, а совместная жизнь людей делается организованной и упорядоченной [4, с. 28]. Государственная власть – разновидность публичной власти, которая осуществляет властные полномочия от имени народа (государственных органов) на основе верховенства закона, включая возможность легитимного принуждения [2, с. 191].

Следовательно, власть – реальность, и без неё невозможно существование отдельного человека и общества в целом.

Одним из основных критериев организации власти, в различных общественных образованиях включая государство, является наличие бюрократического аппарата или бюрократически организованной властно-управленческой системы. Бюрократия это, прежде всего способ организации государственной власти, приводящий в движение механизм реализации властных полномочий.

Термин «бюрократия» характеризует институализированную общность людей, исполняющих служебные обязанности в рамках целенаправленно созданных организаций и соответствующего нормативного порядка, и саму систему таких организаций. Основным законом бюрократии является четкое и безошибочное функционирование, направленное на результат, поставленный вышестоящим руководством в рамках идеологии правящего социального слоя [1, с. 19-20]. В большинстве случаев следует признать, что бюрократическая форма организации государственной власти свидетельствует о том, чиновник оказывается единственным лицом, от которого зависит эффективность и качество исполнения поставленных задач [7, с. 7].

Анализ научной литературы позволяет выделить объект и предмет изучения в структуре социология власти и бюрократии. Объектом познания является отдельный человек и общество в целом. В качестве предмета исследования рассматриваются взаимоотношения между властью и бюрократическим аппаратом, которые определяются как социальные.

Таковыми могут быть:

- статус власти;
- сам процесс управления;
- противоречия, возникающие при реализации управленческих функций;
- проблемы властвующей элиты;
- интересы участников бюрократических отношений;
- проблемы, проявляющиеся в форме влияния одних властных структур на другие;

- степень бюрократизации;
- условия и образ жизни граждан;
- отношения к государственной власти;
- интересы, потребности и ценностные образования человека;
- общественное мнение и др.

Таким образом, изучение дисциплины «Социология власти и бюрократии» способствует формированию у студентов системных знаний о природе власти и бюрократии, позволяет приобщаться к ценностям политической культуры, определяет возможности социальной адаптации и успешной социализации в системе общественных отношений. Она рассматривает ценностно-ориентированные основания взаимодействия человека, социальных групп, организаций и социально-политических институтов в оппозиции «политика-власть-бюрократия».

Список литературы

1. Кабашов, С. Ю. Бюрократия: теоретические концепции: учебное пособие / С. Ю. Кабашов. – 3-е изд., стер. – Москва: «Флинта», 2017. – 218 с. – ISBN 978-5-9765-1294-8.
2. Калугина, Н. В. К вопросу о соотношении понятий государственной и публичной власти / Н. В. Калугина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 5-1. – С. 189-191. – ISBN 2500-1000.
3. Макарейко, Н. В. Государственная власть: понятие и признаки / Н. В. Макарейко // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 29-34. – ISBN 1816-921X.
4. Самойлюк, Р. Н. Соотношение государственной и публичной власти / Р. Н. Самойлюк // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – № 4. – С. 27-37. – ISBN 2224-0152.
5. Теория политической власти [Электронный ресурс] / Электронное учебное пособие. – URL: http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_5/5/5_R1_T2.html – (дата обращения: 06.12.2019).
6. Хаджаров, М. Х. Социология политики [Электронный ресурс]: учебное пособие / М. Х. Хаджаров, Н. Р. Хамидуллин. – Оренбург: ОГУ. – 2016. – 205 с. – ISBN 978-5-7410-1438-7.
7. Шевченко, В. Н. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / В. Н. Шевченко. – Москва: ИФ РАН, 2008. – 196 с. – ISBN 978-5-9540-0090-0.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДА

Щегрова А.А.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Город как феномен культуры интересен для изучения в различных аспектах культурологического анализа. Особым направлением является исследование города через призму изобразительного искусства, которое дает представление о специфике городского пространства в живописи, об отношении художника к окружающему миру посредством создания художественного образа. Конечно, используя искусствоведческий анализ, возможно более глубоко погрузиться в некоторые детали, связанные со специфическими особенностями художественного языка, однако целью данного исследования является изучение городского пейзажа с позиции выявления социокультурных оснований этого жанра.

Городской пейзаж представляет собой специфический жанр изобразительного искусства, основным сюжетом которого является изображение города, его улиц, архитектурных сооружений и др. Пейзаж, в отличие от иных жанров, позволяет через выбор художником изобразительных средств, передачу настроения, определение тематической направленности произведения рассказать о личности самого художника, его сложившемся мнении на определенную тему.

Развитие городского пейзажного жанра связано в первую очередь с возросшим интересом к этому типу изображения и возможностью его широкого распространения. Начиная со второй половины XVIII – первой половины XIX веков, использование изображения городских видов в производстве тиражной продукции становится наиболее популярным. Именно изобретение почтовой открытки и фотографии стало важнейшим атрибутом и условием коммуникации на дальних расстояниях. Однако возросший интерес не означал того, что городской пейзаж был официально признан как жанр. Этот тип оформляется в отдельную отрасль лишь ко второй половине XVII века, причем находится на низшей ступени иерархии среди остальных жанров до середины XVIII века. В итальянском искусстве эпохи Возрождения появляются произведения, написанные в жанре «ведута», которые с географической точностью передают вид какой-либо конкретной местности и содержат черты жанровости, передают особенности повседневной жизни города.

Существуют различные планы изображения городского пространства: город с высоты птичьего полета; панорама города; вид местности. Со временем происходит проникновение бытовых черт в живопись, в частности в городской пейзаж, что приводит к открытию «городской среды» в изобразительном

искусстве. На картинах художников можно встретить уже не просто безлюдный город, а оживленное городское пространство. Городской пейзаж – это изображение жизни человека в том пространстве, который он создал сам. Такой тип пейзажа имеет более тесную связь с человеком, нежели с природой. Природа лишь опосредованно участвует в жизни города и является в большей степени дополнением городского вида. И если для сельского пейзажа характерно акцентирование внимания художника на природной составляющей, то для городского характерно доминирующее положение человека в пространстве картины.

В городском пейзаже можно найти множество свидетельств присутствия человека: «созданная за многие века современная архитектура, транспортные артерии, наружная реклама как воплощение социально-экономических тенденций современного мира, общая атрибутика и антураж времени» [3, с. 1]. Хотя художник может показать город и непосредственно через изображение самого человека и его деятельности.

Развитие и становление городского пейзажа в России происходило гораздо медленнее, чем в Европе. Пейзаж считался низким жанром изобразительного искусства вплоть до конца XVIII – первой трети XIX веков. Лишь в это время в русском искусстве начинают появляться произведения художников, в которых главная роль и значительное место отводится пространству города. Художники преимущественно выбирали в качестве главных объектов своих графических и живописных работ архитектурные ансамбли, парки, сады, скверы, пруды и водоемы. В русской живописной традиции на развитие жанра городского пейзажа оказали влияние произведения художника Ф.Я. Алексеева, которые представляли собой панорамные виды Москвы и Петербурга.

В период становления и формирования характерных черт советского искусства, начиная с 1930-х годов, городской пейзаж постепенно приобретает тематическую окраску, оформляется отдельный специфический тип изображения, который продолжает существовать на протяжении всего советского периода. Искусство этого времени служило интересам власти, имело пропагандистскую направленность и, в связи с этим, было канонизировано, подвергалось жесткому контролю. Однако это регулировалось скорее не официальными государственными документами, а механизмом саморегуляции общества, которое действовало на основе социальных установок и сложившихся архетипических представлений.

Для этого типа городского пейзажа было характерно вплетение мотива «нового» в пространство произведения, в частности это коснулось и архитектуры. Мотив строящихся сооружений представлял собой аллегория на строительство «нового» социалистического государства в целом. Такой пейзаж трансформировался в особый вид, называемый «индустриальным». Популярность этого вида особенно возрастает в послевоенные годы, когда

стране требовались кардинальные перемены: восстановление хозяйства, разрушенных городов и поселений, освоение целинных земель.

Многие художники, работающие в рамках традиционной живописи, обращались к историко-архитектурным мотивам в изображении города. С помощью этих художественных средств они имели возможность выразить собственную точку зрения на происходящие события, философски осмыслить те или иные социальные явления. Например, шестидесятники изображали город как обезличенную субстанцию, намеренно отдавая предпочтение провинциальным городским видам. Для художников 1970-х годов было характерно изображение памятников, которые являлись объектами государственного значения (архитектурный ансамбль Московского Кремля, Зимний Дворец с Дворцовой площадью и др.). Художники периода перестройки делают объектом своих произведений памятники древнерусского зодчества, что связано с возрождением религиозного самосознания в обществе. Такое взаимовлияние можно встретить еще в творчестве представителей передвижничества, которые согласно своим установкам и идеологической программе, выбирали для своих пейзажей непарадную архитектуру.

Некоторые художники выбирали так называемый «тематический» тип пейзажа, где главными героями произведений становились отдельные потаённые уголки и тихие улицы города. Выбранные ракурсы позволяли еще больше рассказать о том месте, которое им так хорошо знакомо, и уже давно стало частью их личной истории.

Тот факт, что художники в таких сложных условиях времени не переставали заниматься искусством, свидетельствует о многогранности процесса творчества, о саморефлексии творца. Посредством «художественного образа» формируется диалог между художником и зрителем.

Городской пейзаж является своеобразной «историко-философской летописью» [3, с. 2], оставаясь запечатленным в памяти поколений на многие века. Это документация моментов жизни целого города, его исторических событий, социокультурных процессов, трансформации архитектурного пространства, ландшафтно-географических изменений и др. С другой стороны, художник сам представляет собой документ определенной эпохи. Конструируя свой собственный «образ города» посредством городского пейзажа, художник рассказывает об идейном содержании целой эпохи.

Список литературы

1. Неклюдова, Т.П. Городской пейзаж как отражение архитектурной культуры России в изобразительном искусстве 1950-х – 1980-х годов: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения: 18.01.00 / Т.П. Неклюдова. – Москва, 1997. – 28 с.
2. Осминская, Н.А. Городские образы в европейском изобразительном искусстве XVII-XVIII вв. и их функция в коммуникативной среде / Н.А. Осминская // Артикульт– 2017.– № 28(4).– С. 16–35.

3. Сеничкина, Е.В. Городской пейзаж в образном осмыслении и профессиональной интерпретации художника / Е.В. Сеничкина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 9 (сентябрь).– С. 1–

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА-Я У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Щербинина О.А, канд. психол. наук, доцент, Стрымова С.А
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В научной литературе образ «Я» определяется как система, для которой характерны устойчивость, большая или меньшая степень осознанности и неповторимость переживаний о самой себе. Необходимым условием развития данной системы является взаимодействие человека с окружающими и собой [15, с. 124].

Набор индивидуальных характеристик образа «Я» составляет неповторимую комбинацию. Части этой системы зачастую могут находиться в противоречии друг с другом. Эта ситуация создается благодаря необходимости соотносить отношение человека к себе с мнением о нем других людей. Поэтому формирование, поддержка и развитие единого непротиворечивого представления о себе зачастую подвергается трудностям [14, с. 260].

Структура образа «Я» представлена рядом ее составляющих:

1. Устойчивыми качествами и изменяющимися во времени признаками, определяющими своеобразие трех сфер проявления личности:
 - познавательной (ум, внимательность, интеллектуальность);
 - эмоционально - волевой (уравновешенность, ответственность, целеустремленность);
 - поведенческой (общительность, практичность, решительность).
2. Самооценкой (общей и частной).
3. Самоопределением (осознание и понимание собственных возможностей и перспектив).
4. Действительным поведением, реализующим отношение личности к самой себе и к другим людям [13, с. 161-163].

Содержание образа «Я» не в полном объеме представлено как его носителю, так и окружающим его людям. В связи с этим дифференцируют несколько видов образа «Я».

1. Я - открытое. Имеется представление о собственной личности и других о вас, достаточно четкая характеристика.
2. Я - скрытое. В основе лежат те чувства, мысли и желания, которые скрыты от окружающих.
3. Я - слепое. Взгляд со стороны. Те особенности вашей личности, которые вы не улавливаете в себе, но они заметны другим.
4. Я – неизвестное. Такое проявление качеств характера, о которых не знает ни сам человек, ни окружающие его люди [3, с. 10 - 20].

Образ «Я» личности влияет не только на ее отношение к себе, но и проявляется в системе ее взаимодействия с другими людьми, в направленности и содержании – конструктивное или конфликтное – их активности. В связи с этим необходимо изучение содержания образа «Я» личности и условий его формирования и развития для предупреждения или минимизации рисков его искажения. Особую актуальность эта задача приобретает для людей, чья профессиональная деятельность предполагает постоянное взаимодействие с другими людьми, влияние на их судьбы. Поэтому следует наиболее тщательно проанализировать каждый компонент образа «Я» применительно к деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Содержание когнитивного компонента образа «Я» составляет система представлений личности о самой себе, своих особенностях, качествах, в том числе и профессионально важных, а также представления о том, что позволит повысить эффективность своей профессиональной деятельности. Представления о путях саморазвития и совершенствования в профессиональной деятельности также составляют содержание данного компонента образа «Я». Основу такого образа составляет творческое мышление, ориентированного на осмысление наиболее рациональных методов профессионально-результативных действий [11, с. 64 - 65].

Эмоционально-волевой компонент проявляется в том, с каким усердием и настойчивостью человеку свойственно участвовать в определенной деятельности, в частности, заниматься правоохранительной службой. В данное образование включается и эмоциональная устойчивость субъекта профессиональной деятельности [12, с. 42 - 49]. Возникновение эмоционального стресса у сотрудников правоохранительных органов связывают с наличием в их профессиональной деятельности экстремальных ситуаций. Деятельность сотрудников правоохранительных органов предполагает их адаптацию к повышенным физическим и психическим нагрузкам [9, с. 155 - 156]. И адаптация может иметь агрессивную направленность, следовательно, быть направлена сотрудником правоохранительных органов либо против внешнего объекта, от действия которого проявились некоторые фрустрационные переживания, либо на самого себя. [2, с. 155]. Помимо этого, проявление агрессии у работника данной сферы можно объяснить применением в некоторых случаях физической силы и огнестрельного оружия [7, с. 128 - 130]. Поэтому, не смотря на то, как бы себя не позиционировал сотрудник, всегда может представиться ситуация, в которой он себя поведет совершенно непредсказуемо.

Поведенческий компонент образа «Я» проявляется в системе взаимодействия индивида с группой, сообществом, в том числе, профессиональным [6, с. 98]. Пониманию этого взаимодействия помогает выявление расхождения между тем, какие нормы в группе сотрудник принимает, а какие отклоняет, не принимает. Также необходимо выявить причины такого избирательного отношения к нормам и правилам,

регулирующими отношения в коллективе. Существуют также предполагаемые нормы группы, к которым каждый индивид выражает свое отношение. Здесь рассмотрению подвергается то, насколько он может отступить от этих правил, в каком соотношении находятся «личностные» и социальные нормы.

В работе М. В. Кукушкина дается понятие нравственной нормы профессионала. В ее основе лежит модель, образец достойного поведения, которое предписывает общественное мнение, профессиональная группа для обязательного исполнения. Основу составляет осознание, как стать достойным представителем в данной профессиональной отрасли [10, с. 23]. Процессы сопоставления себя с другими представляют собой анализ собственных достижений и сложностей на службе. Для сотрудника правоохранительных органов анализ деятельности другого человека, подбор ориентиров, на основании которых он составляет идеальную модель поведения, является важным мыслительным процессом. Ориентир является уже конечной целью для дальнейших поступков. Как группе, так и начальствующему составу необходимо знать, на какой образец ориентируется сотрудник, ведь в зависимости от его направленности будут осуществляться различные пути самоутверждения, сформируется «рефлексивное Я» [8, с. 5 -6].

Успешное решение возникающих трудностей сотрудниками правоохранительных органов при служебном взаимодействии определяет развитие профессиональной рефлексии [16, с. 161 - 162].

Человеку, который стремится отвечать современным требованиям, нужно быть готовым к постоянному самообразованию, необходимо развивать профессиональную саморефлексию. Это качество обеспечивает осознание проблем, которые возникают в практике работы, выбор путей решения поставленных задач, развитие критического мышления для того, чтобы производить оценку и корректировку результатов деятельности [17, с. 104-105]. Рефлексия помогает в пересмотре собственной позиции, анализе деятельности [6, с. 98].

Профессиональная рефлексия взаимосвязана с самооценкой личности и процессом ее самоопределения. В соответствующих исследованиях доказано, что для сотрудника правоохранительных органов с развитой профессиональной рефлексией будет искать и вырабатывать оптимальный способ взаимодействия с коллегами, планирования деятельности и саморазвития при сравнении своего «рефлексивного Я» с двумя другими составляющими: актуальным и идеальным «Я». Видение себя в настоящем представляет собой актуальную часть, а то, каким бы хотелось стать – идеальную [16, с. 160]. При этом представленная характеристика может зависеть от того, как тебя видит и расценивает профессиональное окружение. От его влияния самооценка может колебаться по различным параметрам:

- уровню (низкая, средняя или высокая);
- соотношению с реальной успешностью (адекватная или неадекватная).

На основании трактовки всех элементов образа «Я» для каждой сферы жизнедеятельности предполагается свой набор требований, который характерен для успешного существования. В исследовании, проведенным И.В. Бабичевым и его коллегами, был составлен список психологических умений и качеств, положительно влияющих на образ «Я» сотрудника правоохранительных органов. Человек станет более перспективным, если сумеет решать профессиональные задачи в условиях, связанных с риском, будет готов вступить в силовое сопротивление с преступником, применить оружие при необходимости, создавать обширные коммуникативные связи с личностями, подверженными асоциальному и криминальному поведению, иметь высокую психофизиологическую выносливость и адаптироваться под ненормированный рабочий график [4, с. 85]. Также работа в правоохранительных органах предполагает умение постоянно находиться в ситуации интеллектуальной активности, пользоваться ролевым перевоплощением, объяснять критическую ситуацию другим людям, не обозначая истинных намерений [5, с. 90 - 92].

Анализ трактовки образа «Я» в научной литературе показывает, что в широком смысле это образование, которое отвечает за систему представлений человека о себе, отношении к себе и реализацию себя. Отображение собственных черт может происходить через описание ролевых, статусных или атрибутивных характеристик. Изучение содержательного своеобразия образа «Я» сотрудников правоохранительных органов позволяет решить ряд практических задач, связанных с профессиональным отбором, карьерным ростом, определением направлений психологического сопровождения профессионального становления сотрудников правоохранительных органов и других.

Список литературы

1. Абдуллин, А.Г. Образ «Я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии / А.Г. Абдуллин, Е.Р. Тумбасова // Вестник ЮУрГУ. – 2012. - №6. - С. 4-11.
2. Агабегов, И.Х. Роль агрессивных тенденций в структуре «образа я» сотрудников правоохранительных органов / И.Х. Абегаев // Общество: политика, экономика, право. – 2011. - №3. - С. 154-156.
3. Агапов, В.С. Психология «Я – концепции» : методология, теория, структура: Хрестоматия / В.С. Агапов. – М : МГСА, 2002. – 230 с.
4. Бабичев, И.В. Акмеологические факторы развития профессионально важных качеств оперативных сотрудников / И.В. Бабичев // Акмеология. – 2010. - №4 (36). - С. 84-88.
5. Болдырева, Т.А. Семантическое пространство профессиональной успешности сотрудников уголовно – исполнительной системы / Т.А. Болдырева // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3. С. 103-115.

6. Быстрякова, Л.А. Психолого – акмеологическая модель и система развития информационно – коммуникативной компетенции сотрудников правоохранительных органов // Акмеология. - 2012. - С. 97-100.
7. Василенко, Т.Г. Сравнительный анализ личностных особенностей действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, совершивших криминально – агрессивные действия / Т.Г. Василенко // Прикладная юридическая психология. – 2018. - № 3 (44) . – С. 123-132.
8. Зубова, Л.В. Практикум по общей психологии по изучению самосознания личности : учеб. пособие / Л.В. Зубова, Е.В. Назаренко, А.А. Кириенко. – Оренбург : Оренбургский гос. ун- т, 2017. – 141 с.
9. Кириленко, Д.Н. Эмоционально – личностная характеристика сотрудников правоохранительных органов / Д.Н. Кириленко // Теория и практика общественного развития. – 2013. - №8. – С 154-156.
10. Кожевникова, Н.В. Проблемы нарушения служебной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов / Н.В. Кожевникова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2007. - №4 (31). – С.22-24.
11. Кочеров, Ю. Н. Психолого-педагогические условия, детерминирующие готовность сотрудника органов внутренних дел к самообразовательной деятельности/ Ю.Н. Кочеров // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2. – С.64-66.
12. Марищук, В.Л. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. / В.Л. Марищук, В.И. Евдокимов. - СПб : Сентябрь, 2001. – 260 с.
13. Милорадова, Н.Г. Психология и педагогика : учебник / Н.Г. Милорадова, Н.Г. Салмина, И.А. Володарская. - Москва : Гардарики, 2005. – 335 с.
14. Николаева, А.А. Влияние социальной идентичности на построение карьеры в управленческой деятельности / А.А. Николаева, К.Г. Караханян // Социально-экономические и психологические проблемы управления. - Москва, 23-25 апреля 2013. - С. 260-270.
15. Саяпина, А.С. Основные подходы к изучению образа «я» / А.С. Саяпина // Дискурс. – 2017. - №12 (14) . – С. 121-133.
16. Стеценко, В.В. Значение рефлексии в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов / В.В. Стеценко // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. - С. 159-162.
17. Стеценко, В. В. Психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: рефлексивный аспект / В.В. Стеценко // Вестник Таганрогского института им.А.П. Чехова. – 2016. – № 1. – С.104-107.